

Ирина Дудина

Путешествия Дудирь

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ирина Дудина

Путешествия Дудиры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63016906

SelfPub; 2020

Аннотация

Очерки русской и зарубежной жизни. Наблюдения из поездок по Европе и России. Данная книга будет полезна читателю, который хочет расширить кругозор, посмеяться с забавных историй и смешных приключений. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Предисловие	4
Закарпатье (июль 2003)	7
Хлопцы закусывают золотом	7
Разруха на поездах	7
Львов вызывали	8
Ручьи и змеи	16
Порхов	47
Пасха в Вене	76
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Предисловие

Куда только меня не заносили моя любознательность, работа корреспондентом в журнале «На Невском» и выставочная деятельность в качестве художника. Из каждой поездки я возвращалась с дневниковыми записями в блокноте, потом уже – с заметками, вбитыми в походный ноутбук. В путешествиях меня более всего интересовали люди. Более всего я стремилась пожить в гостях, порасспрашивать о повседневном устройстве жизни, бытовых мелочах, семейных историях. Ну, и, конечно, оббегать все достопримечательности, чтобы всей душой погрузиться в обаяние местного колорита.

У меня есть ощущение, что в наши высокотехнологичные времена интернета, скайпов, вайцапов, сотен каналов телевидения люди разных стран знают друг о друге почти так же мало, как в древние времена. На уровне, что где-то, как сказала Олимпиада Филипповна, ходят люди с пёсьими головами и занимаются канныбализмом. Ну, ёжиков едят. А в других странах молочные реки с кисельными берегами, и яблоки сами в рот падают. Даже в собственной стране мы часто имеем смутные и искажённые представления о том, как живут люди в разных регионах нашей большой страны. Похоже, что развитие технологий страшно отстаёт от гуманитарного развития человечества. СМИ служат не делу знакомства лю-

дей и их общения с целью любви и уважения друг к другу, но делу лжи, разъединения и ненависти на почве нужных кому-то манипуляций с человечеством как стадом для стрижки денег.

Увы, туризм часто не даёт человеку никаких знаний о людях других стран, но только служит для комфортного отдыха и разнообразия колоритных картинок и пищевых радостей. Поэтому, если хотите узнать другую страну, всматривайтесь, знакомьтесь, втягивайте в беседу, спрашивайте. И мир откроется без мифологических туманов.

Ещё раньше была для познания реальной жизни народа такая вещь, как статистика. Российская империя отправляла в свои закоулки специалистов (от имени такого построены многие очерки русской жизни Мамина-Сибиряка). Они изучали церковные книги записей, заводские журналы о несчастных случаях и т.п. Но и этот источник не давал объективной картины. Нерадивый дьячок записывал причины смерти раз в год, что-то припоминая, и выходило, что младенец шести месяцев от роду умер от запоя. А уж на что жили люди – попробуй, выясни... Только писатели-реалисты и авторы дневников и писем оставляют нам правдивую картину мира о жизни своих современников.

И видишь, что при всех временах и режимах люди одинаковы. Они несчастливы, если одиноки, завистливы и запутаны, не видя смысла и цели. И счастливы, если есть любовь, семья, дети, любимое дело и творчество. А количество денег

и удобств мало влияют на то, что не купить ни за какие доллары.

Свои путевые заметки я выстроила хронологически. Читая, можно вернуться, как на машине времени, назад, порадоваться или огорчиться изменениям, изумиться тому, куда шагает человечество. Надеюсь, читатель узнает что-то, чего не знал и о чём не задумывался.

Закарпатье (июль 2003)

Хлопцы закусывают золотом

Разруха на поездах

Поезда из Петербурга до Закарпатья- «Жемчужины Украины»– нет. При СССР был прямой поезд Ленинград- Ужгород. Теперь его нет. Сегодня можно доехать сначала до Львова, оттуда – на поезде или автобусе до любого приглянувшегося местечка в Закарпатье.

Поезд до Львова недорогой, но некомфортный. В плацкарте половина окон забита намертво, бельё стоит дорого. Но кипяток, чай, кофе есть, есть вагон-ресторан с по-украински дешёвой кухней, проводники мокрым веником выметают пыль и перья, нападавшие на пол из истерзанных вагонных подушек. Ехать до Львова около 30 часов, и половину этих часов пассажиры изнывают от духоты. Среди пассажиров – кроме людей, едущих к родичам, – много торговых тёткок, которые придумали что-то челночить из страны в страну. Нас поразил один гуцул. После длительного потребления горилки и попыток вытянуть ноги на боковой верхней полке, он просто скинул матрас на пол и лёг посреди про-

хода, где тут же заснул с мерзким храпом. Чтобы пройти в туалет, нужно было перелезть через этого голого страшного дядьку, валяющегося в проходе прямо на матрасе. Проводник вызвал полицию. На ближайшей станции вооружённые люди в комбинезонах и беретах быстро привели гуцула к общечеловеческим нормам. Они его жёстко по рёбрам потыкали палками, и он тут же влез послушно, без слов, наверх, надел штаны и замер до утра, – даже храпеть безобразно перестал.

Поезд пересекает две границы – с Белоруссией и Украиной. Россиянину достаточно российского паспорта, он может чувствовать себя белым человеком. Кроме скуки длительной стоянки у таможни, с видом на лесопилку, ему ничего не угрожает. Пограничники корректны и вежливы. У граждан Украины больше повода для беспокойства. У них должны быть миграционные листы, приглашения, нарушителей беспощадно снимают с поезда. При мне едва не сняли азербайджанца. Предупредили, что на Украине почему-то не любят граждан именно Азербайджана и могут в любой момент выдворить из страны без объяснения причин.

Львов вызывали

Львов похож на украинскую версию Петербурга. Благородный, обшарпанный, интеллигентный. Прекрасные старинные здания все в подпорченьи. Там деталь отвалилась,

здесь трещина и штукатурка отпала. Львовян отличает чувство собственного достоинства. Здесь начинаешь чувствовать себя «пани». Сами львовяне похожи немного на львов, у них узкие лица с удлинёнными, чуть львиными носами и небольшими глазами. На их лицах серо-бледный налёт, такая благородная патина, как на скульптурах.

Даже мошенники тут были не назойливы. У железнодорожной кассы тёрся карманник. Достаточно было одного выговора типа: «Ну шо ви тут у кассы стоите! Вы уж нэ перший раз сюда подходите, вы в очереди не стоите, не обманывайте!», – и вор истаял. Почти не видно бомжей, побирушек. Язвы общества не бросаются в глаза, социальные противоречия не успели заостриться, накалиться и высунуться наружу. На вокзале много, гораздо больше, чем в Питере и Москве, милиции и людей в десантной форме. Милиция и военные – красивые рослые мужчины со спокойными лицами. Может, именно поэтому язвы не высовываются, а где-то прячутся в отдалении...

Цены во Львове, да и во всей Украине, в два раза дешевле, чем в Питере. На всё, кроме наиновейших благ цивилизации, как то: фотоуслуги, фотоплёнки, СД-диски, компьютерные игры. Единица измерения – гривна, это наших 6 рублей. Всё вертится от гривны. У нас за 6 рублей можно купить разве что маленькую упаковку истончённых чипсов. На Украине – много чего. За 1,5 гривны можно купить тарелку хорошего

борща в кафе, чашку свежего кофе. Чтобы добротню пообедать, примерно как в ресторане, достаточно 10 гривен. Двухместный номер с телевизором, лоджией и горячим душем во Львове стоит 90 гривен.

Во Львове я с детьми сразу направилась в гостиницу, чтобы помыться после антисанитарного вагона, отоспаться на чистом белье, посмотреть город перед тем, как отправиться дальше, к Карпатским горам. У вокзала к нам пристала женщина, услышав наши речи о гостинице. Она сказала, что сдаёт квартиру путешественникам на ночь по ценам, в два раза ниже, чем в отеле. Я решила довериться ей, и мы направились к жилью. Тётка вела себя нервно, а дверь в квартиру с железной решёткой на окне оказалась запертой. Я стала подозревать, что это мошенница или бандитка. Тётка вышла во двор кого-то звать, а мы с детьми быстро удрали в официальный отель. Гостиница была построена при позднем социализме, в 6 этажей, с длинными коридорами, большими окнами и лоджиями, всё из панелей, крупно, просторно, прочно, светло, но всё со следами потёртости, начиная от усталого линолеума до пооблезлых оконных рам.

В номерах нас поразили старые цветные телевизоры «Горизонт», которые в России уже считались рухлядью. Тут же они преподносились как элемент номера «люкс». Горячей воды не было, её давали вечером в течение двух часов. Зато вкусной и дешёвой была еда в гостиничном кафе. Мы успели посмотреть город и купить дёшево японские часы. Эти

часы оказались необыкновенно качественными, их хвалили часовщики, и они до сих пор работают.

Строительный бум

Мы побывали в городках Хусте, Межгорье, Солотвине. Добираться от Львова до Карпат лучше на автобусе: дешевле, интереснее и быстрее. Автобусы «Львив» родом из социалистического прошлого, но всё ещё скачут мустангами по древним львовским булыжникам и каменистым сельским дорогам. За дорогами следят, в местах размывов ведётся работа: укрепляют камнями в стальной сетке насыпи вдоль шоссе. Есть дикие дороги, засыпанные мелкими камнями. По одной из таких дорог мы ехали на попутке. Старый газик дребезжал, набитый пустой тарой. Водитель слушал кассетный магнитофон – заводную гуцульскую музыку с вкраплениями рока. Это была замечательная местная музыка, под неё приятно подкидывало, и хорошо воспринимались горные пейзажи и шустрые реки вдоль дороги. В автобусах же водители мучают пассажиров официальной украинской попсой, типа «Радио Закарпаття-ФМ». Более отстойного радио слышать не приходилось. Хотя попса везде одинакова, и любимые песни на Украине – русские, типа «всё-о-о что ты мне ночью говорил про любовь ла-ла-ла». Пример шутки: «А что это такое, понимаешь...» (голос Ельцина). Ответ: «Цэ радио Закарпаття ФМ!».

Жители Закарпатья предпочитают деньги вкладывать в недвижимость, владельцы сказочных коттеджей не стесня-

ются выезжать из ворот на калошеподобной «Волге». В Закарпатье можно отметить строительный бум, особенно в отдельных сёлах. Самое знаменитое село – Новая Апша. Сплошные коттеджи фантастической красоты. Говорят, что жители разбогатели на продаже семечек по всей России... Хорошие это были семечки, однако! Семечки превратились в дома из кирпича, поверхности стен отштукатурены и выкрашены. Результат: идеально гладкие домики с арками и полуарками, галереями, витыми решётками, зеркальными окнами. Некоторые делают бассейны во дворе. Дворы и дорожки мостят узорчатой плиткой. Всё это увито виноградом, украшено экзотическими растениями. Дома выкрашены в розовые, лимонные, сиреневые, оранжевые цвета, крыши покрыты красной, синей, изумрудной черепицей. Каждый коттедж выстроен по индивидуальному проекту. Всё это народное строительное творчество чем-то напоминает домики коротышек из Цветочного города из детской книги про Незнайку. Воплощённая в жизнь девчоночья мечта о райской, несколько слащавой жизни.

Магазины «Керамика» и «Магазины будивильных товаров» – из самых часто встречаемых на дорогах. Жители Закарпатья – великолепные профессиональные штукатуры и плиточники, наверное, от того, что хорошо натренировались на своих домах. Недорогими, но качественными услугами закарпатских бригад любят пользоваться в Москве, Петербурге, Европе. Один строитель рассказывал о том, как про-

веряют качество работ в Закарпатье. Если между вертикальным отвесом и стеной можно просунуть газету – дом считается кривым.

«Скажи мне, арбайтер, сын вольных степей,

Зачем ты собрался в дорогу?

Зачем ты за горстку кацапских рублей

Здесь робишь уси понемногу» (под «здесь» имеется в виду Москва).

Я не раз вспоминала эти строчки Всеволода Емелина, написавшего стихотворение «Смерть украинца». Коттеджи, вставшие вдоль дороги, доказывали, что горстка кацапских рублей кое-где имеет вес. Это там, на севере, где «сумрак угарный висит над Москвой, украинки гарны встают вдоль Тверской». Здесь украинки гарны возились с курами, коровами, детьми и огородом. В некоторых облюбованных туристами местах они сдавали комнаты и домики – от 10 до 20 гривен с человека в зависимости от популярности места. Некоторые занимаются традиционными промыслами. Вдоль дороги на Межгорье можно купить всё из лозы: плетёную мебель, коробки, корзины, безделушки.

По поводу гостиниц, мотелей и сдаваемых комнат. Почти всюду вдоль трассы переночевать. Свободные места все-

гда в наличии, цены зависят от удобств и популярности места. В глубинке место в скромной гостинице стоит 15 гривен. Удобства кочующие, часто возникают проблемы с водой, не только с горячей, но и с холодной. Особенно во время бурных ливней. В номерах чисто, уютно, приятно радуют взор элементы местной экзотики – вышитые крестьянские ковры на стенах, – но почему-то нигде не выдают полотенца. Это закарпатская особенность, возможно связанная с какими-то древними поверьями. На Синевирском озере, самом модном месте отдыха, цены достигали 140 гривен в день в благоустроенном уютном мотеле. Но полотенце и там не выдавали.

Хлопци закусывают золотом

На Синевире мы сняли половину домика у гуцульской старушки за 60 гривен. Белоснежный снаружи и внутри домик с нависающей крышей оказался очень уютным. Спереди во всю длину стены шла галерея, где можно укрыться от дождя, сушить бельё, мечтать. На крыльце нужно было оставлять обувь и входить в дом босиком. Деревянные полы устланы коврами, на стенах – иконы. На окнах рубиновые шторы с розами, белоснежные занавески, у стен – старинные высокие деревянные кровати с множеством подушек. Удобства – на улице, в домике с дырой в полу. Вместо водопровода – бурный ручей, стекающий вдоль деревни с горы. Первый раз в жизни мои дети мыли руки и чистили зубы, наклоняясь над хрустальным потоком, смывающим мыльную пену и унося-

щим её ниже по течению, где другие дети, может быть, тоже мыли руки.

Вторую половину дома сняла компания отдыхающих из Хуста. Это были «новые украинцы». Золотая цепь на шее, иномарки во дворе, бодрые шутки, шумное купание в запрещённых заповедных местах... Новые украинцы напоминали «новых русских» конца 90-х. К тому же они экзотически закусывали сало и горилку золотом. То есть горилка была особенная, – в ней плавали мелкие пластинки золота («23 карата» было написано на бутылке). Минздрав Украины одобрял это золочение внутренностей. Соседи уселись за деревянный стол, стоящий прямо на траве, разложили свою скатерть-самобранку. Подмигнули мне, чтобы я отпустила детей погулять, и чтобы я отведала с ними их выпивки и сала. Мы выпили золотой горилки. Глаза заблестали ярче, но мозг заработал хуже. Видимо, засорился золотом. Представители нового украинского бизнеса, владельцы джерела – источника минеральных вод, разливали по бутылкам дары природы, и эту воду пила вся Украина. Новые украинцы оказались людьми остроумными и образованными. Кроме украинского, они знали немецкий, русский и английский. «Оставь, меня, брат, я смертельно устал, во рту вкус цветного металла, знать злая горилка завода «Кристалл» меня, наконец, доконала», – звучали во мне стихи В.Емелина. Горилка «Золото Полуботка» никого не доконала, несмотря на привкус цветного металла. Всем стало хорошо. В голове моей плава-

ли фразы и надписи типа «алкоголь да тютюн», «гуртом да враздриб», «мени потребна твоя допомога»... Перед домом журчал ручей, вода из него была не хуже, чем из освоенного бизнесменами джерела. Богата гарна Украина! В ней много фруктов, нет бензина!

Дети не хотели меня оставлять с жирными украинцами, и я полезла с ними в горы.

Ручьи и змеи

Одна из главных прелестей Закарпатья – это бегущие повсюду ручьи, перекатывающиеся по камням зелёные реки, водопады, родники. Плюс доступные, приятные горы. Самая большая гора – Говерла – имеет высоту 2061 метр, на её вершине можно встретиться со снегопадом в июле. Остальные горы поменьше, покрыты лесом, цветущими лугами, зелёной травой. На Синевирской поляне лес совсем родной, северный: с черникой, грибами, хмурыми сырыми облаками. Только расположен почему-то вертикально (от дурнэнький!– как сказали бы украинцы), грибы надо собирать, цепляясь зубами за ветки и камни. Самые приятные горы в районе Межгорья, Ужгорода, Рахова. В низинах, вдоль горных рек – жара, виноград, подсолнухи, сочная кукуруза, маки. Чуть выше – горы в ромашках и гвоздиках.

Заберёшься на приятную гору, на склонах пасётся скот,

выше – селяне убирают сено, ещё выше, над лесами – орлы летают. Кругом манящие лазоревые очертания гор. Лазать по горам интересно. Всегда есть цель у бессмысленного мотания – достичь вершины. Увидеть новую даль, новый пейзаж и объект притяжения. Бывает, заберёшься на дикую гору, где ничего не должно уже быть, кроме самостоятельно существующей природы, а там моленный крест, украшенный цветами, или хорошенький домик с пасекой, или жёлтое поле со стогами. Лошадки пасутся, стога стоят. Выясняется, что гора – с плоской вершиной, на которой повторяется равнинная сельская жизнь. Считается, что в горах есть олени, кабаны, волки и рыси, но никто из них живьём не встречался. Только на выцветших плакатах, сделанных ещё при СССР.

Однажды, когда мы влезли на вершину горы и чувствовали себя в раю, достали гуцульскую колбаску, чтобы подкрепить силы, над нами вдруг стала парить пара орлов. Они с криками стали кружиться над нами. Было такое ощущение, что их цель – отобрать нашу колбасу.

Вода в широких реках тёплая, в маленьких – ледяная. Но в жару это даже приятно. Повсюду есть места, где можно освежиться, как в ледяной природной джакузи. Забраться под белую пену водопада, например, или лечь на дно недалеко от берега, вцепившись в камни покрупнее, чтобы не унесло. Течение в реках обычно весьма сильное. На берегах часто встречались прогуливающиеся по гальке аисты. И на земле, и в воде много змей.

Однажды мы купались в глубоком месте горной речки, где было что-то наподобие городского пляжа. Везде мелко, а тут углубили дно, посыпали песочком, устроили купание в сильных струях мутновато-зеленоватой свежей воды. Я нырнула и увидела, что меж ног купающихся людей и детей ловко фланирует длинная серебряная змея, охотящаяся за мальками. Я подумала, что это уж водяной, и что пусть он резвится меж людей. Но не так подумали остальные купальщики. Какая-то мамашка ужасно завопила, следом завопили дети и женщины, указывая на змею. Карапуз лет четырёх вдруг смело ухватил длиннющую змею за шею под головой, вытащил её на берег и стал бить её об камни. Несчастная змея продолжала извиваться. Тогда пацан постарше, лет 10, на велосипеде, стал колёсами давить голову речного змея. Жестокое зрелище! Больше всего меня поразил смелый карапуз-Геракл, смелый змеборец с колыбели...

Бруд

Во время нашего путешествия по горам объявился кандидат в президенты Украины Виктор Ющенко, глава коалиции «Сила народу», с призывом «Очистимо Украину вид броду». Об этом мы прочли в украинских газетах. Нам почему-то показалось, что это он нас имеет в виду... Если имеется ввиду всякий сброд типа диких кочующих туристов-москалей, то тут он не прав. Туризм неплохо кормит Закарпатье, и туристы то всё люди цивилизованные, не только из России, но и

из Польши, Чехии, Венгрии, Германии. Если имеются в виду цыгане, то они, действительно, назойливы. Но, судя по всему, за ними присматривают, в города покрупнее не пускают.

Может «бруд» – это мусор? Вот от этого действительно следует Украину очищать. Судя по разбросанным по берегам пластиковым бутылкам и горам мусора, встречающимся в каждом селе, на Украине ещё не научились строить мусороперерабатывающие заводы, хотя научились фасовать и разливать. Если для нас типичная картина – роющиеся в мусоре бомжи, то в Закарпатье в роли бомжей выступают коровы и козы. В самых райских уголках натыкаешься на безобразные кучи глобалистского мусора, а в нём роются и что-то слизывают с выброшенных упаковок белоснежные козочки и худые рыжие коровы. Судя по всему, горные реки и ручьи весной смывают мусор с берегов, разносят, и вот уже в самых безлюдных райских местах видишь слипшийся полиэтилен, мятые бутылки, пластиковые упаковочки. Гадость глобализма...

Национальное

Продовольственные магазины в Закарпатье намного беднее, чем в Питере, зато цены намного дешевле. Всё необходимое всё же можно купить, а деньги экономятся. Овощи и фрукты в продаже – на 95 процентов местные, дешёвые, без всяких генетических извращений. Всюду есть кафе, колыбы, рестораны. Повсеместно в меню: украинский борщ со шкварками, драники (вареники), пельмени, котлеты по-

киевски, блюда из грибов. Конкуренция большая, и готовят везде старательно. Местные жители любят посещать свои кафе. Утром всюду пьют кофе, вечером гуцулки предпочитают кофе и горилку, мужчины – пиво и горилку.

Религия, судя по количеству церквей, в Закарпатье процветает. Всё старое реставрировано и сохранено, повсюду строятся новые церкви. В каждом селе обычно по три церкви на все вкусы. Между собой конкурируют православная, греко-католическая и католическая церкви. Много православных действующих монастырей. На дорогах встречались безумные проповедники-иеговисты, размахивавшие своей литературой.

По поводу особенностей национального характера. Западные украинцы – хитрованы. Всюду обещают чуть больше, чем делают. Обманывают, но не смертельно. Одна киевлянка жаловалась, что в информации на туристских украинских сайтах были указаны цены ниже и услуги побольше, чем это оказалось наяву. В мотеле, где мы питались, в первый день порция сырников состояла из 4 аппетитных довольно крупненьких пухлячков и стоила 4 гривны. На 4 гривны можно было позавтракать вчетвером. На следующий день за 4 гривны давали 4 более тощих сырника. На третий день за те же деньги давали уже 3 тонких, плюгавых сырника. Мы не стали дожидаться, что будет с сырниками происходить дальше, уехали. И так во всём: хоть чуть-чуть, а жажда выгоды начинает превалировать, но постепенно.

В-целом гуцулы, лэмки и бойки – жители Закарпатья – народ добродушный, с нежностью вспоминают времена СССР. Все говорят, что тогда жилось легче. Памятники Ленину в сёлах не попадались, памятники героям Второй мировой повсеместно сохранены, покрашены. Только звёздочки посбивали, и на их месте теперь кресты, память об убиенных. Многие жалеют времена колхозов, – тогда у людей была работа в колхозных садах и на перерабатывающих фрукты заводах. Теперь каждый кормит фруктами и всем остальным себя сам

Солотвино

Интересное местечко Солотвино. В нём расположены соляные шахты. В окрестностях села – соляные озёра, целебные грязи. Кто-то едет на Мёртвое море. Почти тот же кайф можно получить намного ближе.

В соли утонуть невозможно. Откормленные украинцы целыми семьями плавают в коричневых солёных озёрах как розовые кабанчики. Особенно это нравится детям. Самые жадные до соли путешественники забираются под мощную соленую струю, вырывающуюся из трубы в одном из оврагов. За гривну можно посолить своё сало, за другую – соль смыть. Главное, чтобы кожный покров был без отверстий. Даже небольшая царапина даёт представление о том, что означает выражение «сыпать соль на рану». Вокруг невзрачных с виду прудов построены кафе, рестораны. Много отдыхающих приезжает сюда на машинах, многие останавливаются в палатках. В соляных шахтах, на глубине 300 метров,

больные лечат свою астму. Там вырублена соляная гостиница, койки в ней тоже из соли. Чтобы был эффект, туда надо спуститься и провести сутки хотя бы. Но это стоит серьёзных денег. Деньги идут местным соледобытчикам вместо задерживаемой и нищенской зарплаты. Сама надземная часть шахты напоминает фильм Тарковского «Сталкер».

Солотвино меня поразило меланхолией. Вот вроде июль, лето. А такая печаль лежала на сердце. Небо было коричневых оттенков, белая соль, как седина, прикрывала цистерны на рельсах. Я с детьми поселилась в домике у милой молодой женщины. Нам дали большую комнату с городской скучной мебелью, с унылыми советскими коврами бордово-бежевых расцветок, с пустым сервантом, в котором блестело четыре скучных бокала. В коридоре было что-то вроде кухоньки, на электроплите можно было приготовить еду. Из окна вид был на украинский огород, пыльный, в жирных сорняках и лебеде. В огороде кудахтали хозяйские куры и петух, хрюкал кабанчик в сарае. Удобства были на улице, на огороде был в клеёнчатой кабинке душ, подававший воду из бака, нагреваемого солнцем. Другие окна выходили на Солотвинскую улочку, узкую кривую улочку, сплошь застроенную симпатичными домиками, заборчиками, воротами, – всё аккуратненькое, ухоженное. На улице играли местные дети, прохаживались туристы, любители соляных ванн, а также местные жительницы. Мужчин местных было мало, почти все они уехали на заработки в другие страны.

После прогулки к соляным шахтам, вид которых сжимал в тоске сердце, мы вернулись в нашу квартирку, поели вишен и легли спать. Мне снилось что-то мрачное, какая-то ведьма предлагала мне купить пальто, я отказывалась. Она вдруг стала говорить древние заклинания. Слова её, как бы из выдернутых и демонически переставленных по своей воле букв, были похожи на некоторые стихи Велимира Хлебникова. Были они столь просты и страшны, что я их запомнила. Я почему-то должна была запомнить эти слова.

Проснулась я от громкого плача. Это до 40 градусов внезапно поднялась температура у моего младшего шестилетнего сына, и он проснулся и заплакал, весь в жару. Вскочил и старший, 12-летний сын. Я бросилась давать аспирин младшему. Старший рассказал, что ему снились кошмары – какая-то старая цыганка. И от них он проснулся. Я поняла, что ему снилась та же старуха, что и мне. Что-то жуткое разбудило и младшего. Я стала детям пересказывать свой сон и вдруг начала повторять заклинания ведьмы. Когда я произнесла три первых слова из 10 ведьминских, за окном сверкнула молния, и моментально ударил гром, хлынул, как опрокинулся из моря, бурный стучащий дождь. Дети завопили от ужаса, умоляя меня не говорить дальше ведьминское заклинание. Мне тоже стало жутко, и я вдруг мгновенно забыла ведьмин стих, забыла навсегда, хотя казалось, что её слова у меня отпечатались в голове навек.

Утром младший пропотел и поправился, мы рассказали хозяйке, молодой женщине, о том, какие сны нас мучили в её доме. Она как-то нехорошо помотала головой и ничего не сказала нам. Мы же собрали вещи и уехали путешествовать дальше

Псковская деревня (май2004)

Воспитание людей и зверей

Вовсе не фермеры

Мы долго ехали по разбитой, ныряющей то вверх, то вниз дороге. Приехали уже ночью. Уезжали из Петербурга – там был жаркий весенний день, 30 апреля. Приехали в морозную жгучую ночь, аж пар изо рта валил, на небе сияла серебряная луна, земля излучала могучий запах живой полевой жизни. По дороге встретили несколько зайцев, которые, увидев фары машины, начинали скакать в луче света, не в силах свернуть в лес.

Ехали к фермерам, и мне всё виделось «новые русские», из новых сосновых брёвен выстроенные хоромы. Оказалось, это не фермеры, это немолодые люди, которые выживают на земле в древнем, до революции построенном доме, ныне старом и почернелом. Молодые ребята, которые везли меня к «фермерам», были брат и сестра, а везли они меня к своим родителям, бывшим геологам, которые в лихие 90-е продали

городские квартиры и купили здесь, на Псковщине, усадьбу и дом с большим количеством пристроек для сельских животных.

Хозяйка Татьяна Марковна была типичная городская техническая интеллигентка, говорливая, активная, у которой слово было погонялом для собственного дела и для мужа, который дела делал. Ей нужно было всё обосновать речью. Одета она была в тёплые рейтузы по случаю навалившегося ночью зимнего холода. Муж её, высокий благородный мужчина в очках, молчаливо подбрасывал дрова в старую русскую печь. Машину загнали во двор за большие крестьянские ворота, залаяли радостно собаки, выбежали любопытные кошки.

Я с тоской осмотрела большую избу, поделённую на три комнатки, все сообщающиеся между собой по кругу. Так что изолированное спальное место мне тут не светило. Сын Смеловских Яша полез спать на ледяной чердак, где хозяева оборудовали комнатку с книгами для интеллигентного отдыха. Дочка Лена легла спать с мамой Татьяной в угловую светёлку. В большой гостиной улёгся на старый советский диван с круглыми пуфиками по углам хозяин Сергей Матвеевич. Меня же уложили в проходной комнате на диван напротив своей внучки Ярославы, почивавшей на детской кроватке в углу. Я смертельно хотела спать после 14 часов езды на автомобиле, но поспать мне не удалось. Ночью по мне стали бегать кошки, за ними гонялась гончая собака, за собакой

вышел хозяин и ругал собаку, а хозяйка занялась какими-то действиями с громом и шумом.

Утром выяснилось, что это было. Это ночью одна из 16 кошек родила котят, схватила их зубами и хотела положить ко мне на кровать, за кошкой помчался кот, чтобы сожрать котят, за котом пошла собака, и т.д. и т.п. Хозяйка спасла котят, засунув их на чердак, а кота Ваську, местного злого бая, главного мужа всех кошек, вообще не принято было пускать в дом. Как он, гад, пролез, это расследовала хозяйка. Похоже, что с гостями незаметно пробрался. А вообще тут было три вида кошек; двум сиамычам, одной пушистике и ещё рыженькой аккуратненькой позволялось жить в доме. Остальные жили во дворе, а ещё несколько вообще приходили во двор раз в неделю, так как шлялись по полям и мышковали там, совсем одичав.

Утро началось с долгого чинного семейного завтрака, где переплелось несколько стилей: английская чопорность, русская дворянская упорядоченность и крестьянская скромность. Ели яйца варёные, ибо их было много. Масло и сыр были продуктами ценными, так как корова уже была продана, и молочное нужно было покупать в магазине в Опочке. Хлеб был местный и вкусный. Каша на воде. Попили кофе нескафе. Вокруг стола жадно смотрели на хозяев 4 привилегированные кошки и два пса: сеттер и разжиревшая, прожорливая и сладкоглазая спаниэлиха. Особенно звери ценили кусочки сыра. Да и яйца трескали с улыбкой. Мне было

неудобно, что я не взяла с собой продуктов, я думала, что еду к богачам, которые закормят меня плодами своих и земли своей трудов...

Внучка Ярослава была розовощёкой девочкой в бусиках, капризной и темпераментной, похожей характером на бабушку. Внучка и бабушка поэтому то конфликтовали, то спорили, то злились, то мирились. Ярославе очень хотелось полностью занять моё внимание своими рисунками и куклами, а бабушке тоже этого хотелось, и дело дошло даже до слёз и шлепков. Я ушла с Ярославой к её куклам и заставила её написать их имена для меня. Кукол было много, и дитя было занято надолго. Пока Ярослава выполняла задание, бабушка и дедушка поведали мне историю свою и села.

История семьи

Смеловские работали геологами на Сахалине, но началась перестройка, перестали платить зарплату, и вообще все ждали полной катастрофы. На самом последнем самолёте, который шёл в тот год с Сахалина по старым, доступным ещё ценам, Смеловским удалось перевезти мебель, пианино, книги, коллекцию камней, детей, внучку и собаку. Если бы не те билеты на тот самолёт, семья бы так и не смогла попасть на свою большую родину.

На вырученные от продажи квартир деньги купили дом у псковского жителя, озверевшего от одинокого владения дедовским наследством, и тоже находящегося в шоке от ре-

форм, сотрясавших Россию. Ему тоже захотелось сдвинуться с насиженного места. Продал он Смеловским всё, лишь иконы прадедовские родовые не продал. Он их вынул из древних избовых божниц, и продал чуть позже за бесценок каким-то проезжим фарцовщикам.

У Татьяны в Петербурге оставались родители в крошечной двухкомнатной квартирке с вещевыми останками дворянского прошлого её рода, одну из комнат занимал целиком древний рояль. Сергей был бесприданником с юга России, в небольшом городишке его кровные метры жилплощади давно была заняты размножившимися родственниками. Вкладывать сахалинские деньги в городскую квартиру было бессмысленно: в городах 1993 года Смеловских ждала безработица, нищета и ад бытовой скученности на квадратных метрах.

Смеловские решили начать новую жизнь, добывая хлеб свой насущный от трудов своих и плодов земли. Это был смелый шаг в неизвестное. У бывших советских горожан не было никаких навыков землепользования, животноводства и растениеводства. До этого они много лет бродили по необработанной человеком земле и питались от зарплаты. Зато у них были геологические советские энтузиазм и отвага, умение выживать в самых экстремальных природных условиях, заниматься самыми непредвиденными видами ручного труда. Были геологические навыки смело шагать в неизведан-

ную тьму. К тому же в руки им попала замечательная толстая «Настольная книга русского землевладельца», написанная в 1913 году во времена Столыпинской реформы и переизданная в 1993 году тиражом 25000 экземпляров.

В этой книге было собрано «лучшее из народного опыта и агрономной науки о полеводстве и огородничестве, бахчеводстве и травосеянии, садоводстве и лесоводстве, животноводстве, птицеводстве, пчеловодстве и шелководстве». Как известно, в результате Столыпинской реформы русские крестьяне стали свободными хозяевами своей земли, многие из них сдвинулись со своих перенаселённых мест и пошли на Восток, создав 2 000 000 (!!!) крестьянских хозяйств от Урала до Тихого океана. Не могу удержаться от цитат из этой книги: «Столыпинская реформа превратила Россию в мировую житницу, крупнейшего поставщика масла, льна, пеньки, мёда и других даров земли, причём богатств, возобновляемых ежегодно крестьянским трудом, а не извлекаемых безвозвратно из недр и продаваемых за рубеж на беду грядущим поколениям».

Смеловские вдохновились перспективами перестройки, стали хозяевами земли, но совершили свой путь в обратную сторону – с Востока на Запад нашей необъятной родины. Им тоже захотелось стать производителями ежегодно возобновляемых продуктов земли, а не разведчиками богатств, исчерпаемых на беду грядущим поколениям.

Подростки вооружили домик всеми благами цивили-

лизации. Спутниковая тарелка-антенна делает доступными 40 каналов телевидения России, Украины, Франции, Прибалтики. В домике собрана хорошая библиотека- книги, которые близки сердцу хозяев: всё о Пушкине, краеведение, русская классика и русская поэзия прошлых веков. В домике собрана коллекция любимых фильмов и классической музыки на CD и DVD, в домике пара компьютеров. Интернета пока нет, но скоро будет. Кстати, соседние жители, заживая на минутку в дом Смеловских, типа за спичками, высмотрели и компьютеры, и антенну-тарелку. Теперь почти все соседи обзавелись компьютерами и антеннами, один сосед, по слухам, пошёл дальше всех и сделал себе спутниковый Интернет через телевизионную антенну. С дорогами повезло. В соседней деревне живёт на корнях своих мать директора хлебозавода из соседнего городка. И результат: директор добился как-то, чтобы от шоссе до той материнской деревни проложили асфальт.

Самое больное место – сантехническое. Нужники старинные. Навозец на поле. Это прекрасно для природы, это естественно, это бесследно. Но всё же, после тёплого эгоистического унитаза это грустно. Вода в доме из колодца. Это и хорошо и плохо: нет зависимости от поломок водопровода, есть естественный тренажёр для мышц рук, но после эгоистических кранов с холодной и горячей водой в индивидуальной ванне в городе – это грустно.

В доме у Смеловских – старинное пианино с хорошим зву-

ком. Дети привозили настройщика из Петербурга. Старшая внучка готовится поступать в консерваторию. Когда на каникулы она приезжает к бабушке и дедушке, по полям разносятся Прокофьев и Шопен, пугая зайцев и кабанов. Дедушка мечтательно слушает классику, сидя в кресле и поглаживая спаниеля справа и сеттера слева. Бабушка заваривает чай в окружении четырёх любимых кошек. Потом, сыграв свои этюды, Смеловская-младшая идёт подавать сено лошади и корм курам. Такие вот барышни-крестьянки и барыны-крестьяне. Пианино сначала изумило аборигенов, они с великим уважением помогали его сгружать и заносить в избу старого купеческого рода. Может быть из-за этого пианино Смеловские пребывают в некоторой изоляции: местные жители до сих пор их своими не считают, для них Смеловские – это пришлецы, несерьёзные клоуны, притормозившиеся дачники, чудаковатые аристократы, низко павшие до жизни на земле с ними, представителями более низкой социальной касты...

Недавно я читала «Фердидурку» поляка Гомбровича. В этой книге, написанной лет 90 назад, очень точно подмечены эти странные игрища между барями и крестьянами. Какими бы дворяне нищими, пролетарствующими, трудящимися и трудогльствующими, какими бы туповатыми и неумными, необразованными они бы ни были, но они – баре. Что-то такое сильно втемяшилось в гены и головы людей, исконно живущих на земле и от земли – у земляных трудящихся есть

своя гордость, своё ощущение замкнутой касты. И всё равно बारे являются чем-то высшим, неким верхним сословием, и великая мудрость состоит в том, чтобы каждое сословие блюло себя. Геологи, получившие глубокие свои специальные знания, – они должны разведывать недра. Барынька-музыкантша должна играть в городе, в консерватории. А люди земли должны владеть землёй в нужных, соразмерных запросам количествах, тихо долбать её, пахать, сеять, растить картошку, доить коров, вывозить навозы на поля. Ходить в зипунах, ватниках, покорябленных трениках и сапожищах, а по праздникам надевать хорошую светлую одежду, иметь в домах ковры, холодильники и компьютеры, и косо, всегда косо смотреть на пришлецов, с какой бы миссией и целью они на земли не приходили.

Может быть, эта одна из причин того, что в России часто гибнут попытки развести фермерские хозяйства. В конце 80-начале 90-х фермеров сжигали, сжигали жестоко и молчаливо, с круговой порукой. Сжигали фермы со 100 коровами, с телятами. Сжигали сараи и сено. Кто сжигал, зачем – никто не знает. Ни в одной из деревень никто не мог сказать, что точно знает, кто сжигал. Тёмные всё это и странные истории. Главное, тут удивляет роль милиции. Почему эти истории не расследовались? Какова роль ментов в попустительстве этих преступлений? Не происходила ли зачистка русских земель от людей?

Умные, предприимчивые люди, люди с деньгами, с агро-

номическими и зоотехническими знаниями, молодые, полные энергии и расчётов жить лучше, давать родине возобновляемый продукт, эти люди как приходили, так и уходили. То есть уходили гораздо в более плачевном состоянии, нежели приходили. Уходили, и оставляли разорённые русские земли, как есть: запущенные поля, поросшие подлеском, жестоко вырубаемые бесконтрольно некими анонимными варварами леса, рынки, забитые дешёвыми оптовыми товарами низкого качества глобалистского происхождения...

Сергей Смеловский считает главной чертой русского характера зависть. Лишь бы у другого было не лучше, чем у тебя. Деревенские жители повсеместно не желают работать на пришлецов, даже если им предлагают достойную зарплату. Да, это, пожалуй, земляная, нутряная животная зависть – к тому, кто из другой касты. Но, может, и другое. У этих коренных земляных людей нет ничего кроме их куска земли, избытки и – свободы. Свободы спать или не спать, ходить на работу или не ходить, впрягать себя в качестве придатка к севообороту и молочным рекам родимых коровушек, или же не впрягать, пить или не пить. И это их последняя свобода.

Прогулка по селу

Мы пошли на улицу. День был солнечный, старые яблони в саду готовились к цветению, снег везде сошёл, трава выросла шёлковая и ярко-зелёная, всюю распускались одуванчики. Гудели пчёлы. Мы вышли на сельский Бродвей, пошли вдоль села мимо заколоченных и крайне редких жилых до-

мов с признаками постоянного проживания.

Сергей рассказывал, что при приезде сюда обнаружили деревню в печальном состоянии. Жители в деревне ещё кой-какие были, но мало кто уже держал коров, один человек на всю округу разводил пчёл. По лысым полям шастала старая кобыла, уцелевшая от распавшегося колхоза. На ней обычно ездили за водкой по бездорожью в соседние сёла, когда родное топливо в местной лавке заканчивалось. Все как-то обленились, пили водку и больше рассчитывали на пенсию и пособия, нежели на заработанный трудом продукт. И вообще Смеловские были изумлены голодом и бедностью людей, владеющих землёй, этой великой ценностью, великой волшебной скатертью-самобранкой, стоит только не полениться и расстелить её, встряхнуть...

Сначала Советская власть изгибала людей, до этого – крепостничество. Как-то Андрей Битов сказал, что три богатыря на Руси – это Лень, Уныние и Гордыня. Сергей Смеловский считает, что это зависть и привычка к покорности.

Село когда-то принадлежало помещику, чуть ли не другу Пушкина. Во времена Столыпинской реформы местным помещиком была построена уездная земская школа, создана библиотека, процветало хуторное хозяйство, у крестьян было всё больше надежд на зажиточную жизнь.

В конце 19 века в местную школу в качестве учительницы

приехала петербургская девица, заражённая вирусом марксизма и атеизма. Её вежливо выслали в Архангельск, при этом она проклинала попа, пытавшегося благословить её на более правильную женскую жизнь. После революции в этой же школе прославилась другая, а может та же самая учительница. Вместе со своими учениками семиклассниками, в порыве антирелигиозного бешенства, она разорила и осквернила местное кладбище. Дети бегали по деревне с черепами и костями своих предков в руках... Потом в крестьянские хозяйства приходили коммунисты, забирали с собой крепких мужиков и пускали их в расход. Также прихватывались с собой животные-кормильцы.

В 1993 году в селе была начальная школа с библиотекой, был клуб, магазин, почта и фельдшерский пункт. Тогда ещё были дети в деревнях. Деревенское стадо ещё насчитывало 30 коров. Колхоз распался, и его части и запчасти в виде тракторов, земли и другого добра попадали в руки потерявшихся людей, привыкших к превратностям советской системы земледельческого труда. Одна из местных жительниц рассказывала, как она рано утром высаживала на своём участке картошку, а в 9 утра к ней приходил председатель колхоза и ногами топтал её поле, как кабан, приговаривая, что надо сначала колхозное поле засадить, а потом уже своё. Дело было в 80-х. Понятно, что в 90-е местные жители находились в состоянии ступора и лечили неврозы русским водочным лекарством.

В местном магазине продавщицей работала местная баба. Жертвами этой бабы стали многие жители окрестных деревень. По сути, она стала местным Чекатилой. В лавку попадали какие-то очень левые товары, ядовитые колбасы, странные напитки. От палёной водки за прошедшие 15 лет умерла половина мужского населения местных деревень. Последняя страшная трагедия случилась два года назад. Три самых лучших местных мужика, молодые, крепкие, сильные, не так уж чтобы пьющие, развернувшись на земле, взявшие большие участки, обзаведшиеся большими фермерскими хозяйствами и семьями, три этих последних русских богатыря земли местной купили в сельпо бутылочку водяры и распили её на троих. Заряд яда был таков, что никто из парней даже не дошёл до своей хаты, они умерли, сделав всего несколько шагов от проклятого магазина.

Я сфотографировала букет искусственных цветов, который теперь лежит под берёзой, в 50 шагах от магазина, на месте, где умер последний перспективный мужик деревни. Звали его Иван. Последний Иван на деревне...

Не было ни милиции, ни вскрытия. Не было кровной мести, как это принято в сериалах. Никто не отомстил продавщице, никто не подпалил ей хату и не отмутузил, напав на неё из-под куста орешника. Она не сидит в тюрьме. Никто не спрашивает, у каких людей покупала она водку не раз и не

два, зная о последствиях её потребления. Это русская баба. Что у неё творится в голове, что там у неё в сердце – этого никто не узнает. Правда, последняя история всё-таки заставила её по-тихому закрыть магазин, уйти в свой дом и там тихо пасти своих кур.

По статистике ежегодно в России от палёной водки умирает 40 000 мужиков. Умерший Иван и его товарищи не вошли в эту статистику. Туда, очевидно, не входит множество таких вот отравленных Иванов. Так что статистика намного шире и глубже. Чеченский ли терроризм, рука ли мирового глобализма, приговорившего к смерти Русское сельское хозяйство через вертикаль власти, ничего не видящих ментов – об этом мы вряд ли узнаем. Но кто-то с 93 года заливал российскую землю тоннами яда, и ни один из отравителей не был пойман милицией. Говорят, что палёная водка шла цистернами из Осетии, и что Беслан – это ответ небес на преступления против русской глубинки.

Оставшиеся на земле – это бесконечно терпеливые, молчаливые люди, понявшие за столетия покорности, что самое лучшее – это молчать, сносить всё тихо, не вынося сор из избы, не обращаясь ни к властям, ни к соседу, ни к другу. Каждый сам за себя, закона и правды нет на русской земле. Если хочешь выжить, то живи тихо и уединённо, терпи, молчи, таи все мысли тайные свои. Тихо и упрямо делай своё дело, если желаешь выжить. Когда станет невыносимо – ни

за что не пей! Отравят...

Недавно сгорела дотла соседняя деревенька Мокрятино. Сгорела она от того, что в конце апреля, когда сошёл снег и проступила сухая трава, один местный житель решил покурить. От его небрежного жеста, каким обычно курильщики выбрасывают хабарик, от этого жеста прошлогодняя трава загорелась, три дома в миг слизнуло, будто их никогда и не бывало на этой земле. Жители успели спастись, но у них не осталось ни дома, ни двора, ничего, кроме груды головешек. Пожарники пытались добиться от людей имени поджигателя. Все знали, кто поджог, но по православной традиции уповать только на суд Божий, имени поджигателя не называли. Поджигатель, как и вышеописанная продавщица, живут прежней, без изменений, жизнью. Ждут суда Божьего...

Зато законы в глубинке хорошо работают для добывания слабых, как в Незнайке на Луне. В тюрьме сидит женщина, мать троих детей, чей муж когда-то умер от палёной водки, и которая, в отчаянии, не нашла ничего лучшего, как украсть что-то из недр умирающего колхоза. Женщину поймали с поличным, посадили. Она сидит, дети её растут в интернате. Когда женщина выходит из тюрьмы, она уже не знает, как можно жить по-другому, она опять что-то ворует, её опять сажают. Я сфотографировала её голубой ветшающий дом с тремя окнами, возле него стоит старая мёртвая берёза, вся покрытая грибами, с отвалившейся верхушкой. Символ времён.

Год назад закрыли школу. Сначала она перестала быть средней школой, стала восьмилеткой. Потом превратилась в начальную школу для последних детей деревень в округе. Теперь и на начальную школу детей не собрать. За 15 лет население сократилось раза в три, остались те, кому уже за сорок и больше, да чуток юношества, которое ещё не успело из этих земель изойти. Появились дачники и беженцы, но это уже не те люди, которые могут быть свободными земледельцами и производить возобновляемый на земле продукт. Беженцы пребывают в страшной депрессии, вспоминая свою прошлую добротную жизнь в советских республиках и ужасаясь нынешней. Воспоминания мешают им осваивать эту новую, не самую плохую на свете землю. Год назад застрелился председатель пытающегося возродиться колхоза. Ему было 44 года. Сам ли застрелился, или ему кто помог? – из тех же сил, которые поставляют на эти земли тонны отравленной водки, которые сажают в тюрьмы вдов, которым поручили сокращать население и держать земли без сельского хозяйства.

За день до моего приезда вполне приличное здание опустевшей школы разгромили местные юноши и девушки после дискотеки в ещё не сдохшем местном клубе. А может и не они. Всё тут таинственно на земле.

Тенденции к лучшему типа попыток проводить день деревни, убрать сообща мусор с дорог, устроить праздник для

оставшегося народа, – они есть, они случаются, но как-то быстро обваливаются.

Зимой была уничтожена зверским образом местная библиотека. Вся деревня похаживала в этот неостывший культурный очаг, оставшийся от умершей школы. Библиотека была шикарной, она собиралась 100 лет, тут было много классики, редчайшие книги по краеведению, по истории Пушкинских мест. Зимой приехали грузовики и варварски увезли книги. И если бы для продажи в антикварную лавку! Или для макулатуры... Увы! Для выброса в помойку. Кто-то сверху отдал этот приказ. Смеловские проследили, куда поехал грузовик, потом нашли книги в канаве, самое ценное оттуда забрали себе, остальное кабаны читать будут на небесах...

Магазина ныне в селе нет, иногда сюда приезжают автолавки. Одна автолавка внимательно относится к нуждам людей, продавец всех знает по имени и старается привезти то, что купят. Другая автолавка настырно привозит по принципу «на тебе Боже, что нам не гоже».

Обустройство людей и зверей

Сергей отправился к своей лошади, пора было вспахать поле под картошку.

Лошадь Смеловские купили у цыган. В глубинке, как и 200 лет назад, лошадьми торгуют цыгане. Взнуздывать, объезжать, поить, кормить, чистить и подковывать, впрягать в

телегу и сани Сергей научился по столыпинской книжке... Садился вечером возле лампы, надевал очки и читал, выписывал в тетрадку, штудировал. И вообще всему Сергей научился по этой книге: принимать роды у коровы, лечить её от мастита, делать ульи для пчёл, чинить упряжь для лошади, выкармливать цыплят и телят, сажать вовремя картошку, по правилам вносить навоз в землю.

Прошло несколько лет, и деревенские коренные жители, увидев, как ладно ведут хозяйство Смеловские, стали к ним обращаться за советом, как к дипломированным специалистам. Из деревенских людей не нашёлся ни один, кто мог бы или хотел бы что-нибудь внятное объяснить начинающим землевладельцам. Даже старики деревенские в ответ на расспросы ехидно помалкивали. Жители села здороваться здоровались, но на этом человеческое участие заканчивалось. Эта стена молчания доводила Смеловских до исступления. Им хотелось общения, хождения в гости, бесед за чаем.

Лошадь помогла Смеловским сломать стену отчуждения. Лошадь давно уже стала в русской деревне невидалью, признаком особенного социального статуса. Я помню, как в Калининской области все, кому не лень, гоняли по русскому бездорожью на тракторах и комбайнах, прожигая безнаказанно общественное топливо, но вот лошадь имел только председатель колхоза, да ещё один, чрезвычайно зажиточный и процветающий колхозник с многочисленными родственными связями в верхах колхозных. А без лошади всё

равно было никак, во время весенней и осенней распутицы деревни превращались в оторванные от мира острова, куда даже и трактору «Кировцу» добраться было не по силам. Глиняные дороги превращались в пруды, чавкающие болота... Перебираться от деревни к деревне «Кировцы» и «Нивы» пытались по полям, по руслам рек. Отчего рядом с дорогой, похожей на овраги, вырастали такие же овраги и рвы, а от речек оставались плешины и омута, речка возле деревни моей бабушки просто сгнула. Некогда прекрасная речка, с камышами, утками, гусями, в которой ребятишки купались, а бабы полоскали бельё...

Смеловские быстро смекнули, что лошадь не зависит от цен на бензин, от времён года и состояния дорог. Лошадку им удалось вырастить хорошую, трудолюбивую. От долгого простоя без бороны, плуга, санок зимой, телеги летом, лошадка начинает скучать и хулиганить. Отвязывает зубами себя и козу от пут, и убегает с козой на поле побаловаться, побегать. Односельчане посмотрели на Смеловских с ехидством, а потом что-то поняли, и теперь почти у всех есть лошади, даже по нескольку...

Смеловские купили и корову, потом телята пошли, потом было две коровы. Сейчас ни одной. Смеловские постарели, устали от этого обслуживания непрерывного природного молокозавода, да и молока им уже в таком количестве не надо. Дети, внуки подросли, уехали в город учиться в университе-

тах, консерваториях, всё же гены интеллигентов в нескольких поколениях дают знать о себе.

Бывшие горожане Смеловские не могут до конца стать сельскими жителями. Особенно это сказывается, когда сельская жизнь требует необходимого расставания с домашними животными. Смеловские так и не смогли съесть ни одной из своих кур, куры умирают у них своей смертью. Зато бывшие геологи узнали, сколько лет живёт петух. Петух у них прожил 11 лет и умер жарким летом, очевидно, от старческого инсульта. Несколько раз, внешне молодой и роскошный, без всяких там седых перьев, петух-старичок падал оземь вверх лапами, типа терял сознание. Но потом вставал и продолжал свою жизнедеятельность как ни в чём не бывало. Пока, наконец, не околел окончательно.

Особая статья – кошки. По интеллигентской привычке Смеловские не топят котят. К тому же любая кошка – это судьба. Кого-то подобрали дети в городе и привезли в деревню, какая-то живая хвостатая тварь сама пришла, неведомо откуда. Добродушные Смеловские с ухмылочками вникают в кошачьи проблемки.

Мы прошли за баньку к глубокому пруду. Смеловский достал из садка живую рыбу. Возле прудика выстроилась очередь из кошек, началась раздача карасей на обед. Караси у Смеловых хороши: ровные, круглые, крупные... К вечеру Сергей нажарил их, это было редкое экзотическое обеде-

нье, коричневые в масле карасики.

Сергей рассказал, что любит поохотиться. В ближайших лесах водятся лоси, кабаны, лисы, зайцы, куницы, еноты. 1 августа, когда открывается охота на уток, над местным озером стоит канонада выстрелов, опустевшие от земледельцев земли наполняются огромным количеством охотников. Огорчает то, что зайцев становится всё меньше, зайчата гибнут весной от весеннего пала прошлогодней травы. А трава горит от хабариков расслабленных курильщиков. Ещё трава горит от поджигаемых гор мусора. Глобализация пришла в глубинку со своими чудовищными неэкологичными упаковками, мусороперерабатывающие заводы не построены, увоз мусора отсутствует. Мусор варварски жгут пару раз в год, и диоксиды, подобно чернобыльскому шлейфу, щедро пропитывают русские земли. У нас никто в течение 100 ближайших лет не захочет покупать молоко и овощи.

Майский снег

Ярослава совсем раскапризничалась, ей нужно было внимание взрослых, но все они были заняты. Дед запряг лошадку и пахал, управляя плугом и лошадьё. На вывороченную свежую коричневую землю прибежали куры, червячков клевать. Они смешно выпрыгивали из-под копыт. Татьяна готовила обед. Все что-то делали. Козлик влез на ветлу и обгрызал кору с неё.

Я с Леной и Ярославой пошла на озеро. По дороге мне показали старый барский сарай, сложенный из камней, с древней крышей, крытой дранкой. У сарая стояла высокая ель с отломанной ураганом верхушкой, на ней аисты построили двухэтажное гнездо. В верхнем, как куклы с пластмассовыми розоватыми носами, сидели три аистёнка и два их родителя, с вниманием следящие за нашим передвижением. Места здесь были благодатные. Вдали, на холмах, матово зеленели первыми листочками берёзовые леса. Испускали дурманящий земной аромат вспаханные нарезы земли, солнце то улыбалось и грело, то пряталось за туманные набегавшие тучки, озеро серебрилось, травка качала своими стрелками на ветру.

Лена училась в аспирантуре, это была девушка с античной фигурой и античной головкой, всё это было неправильно упаковано в спортивную одежду, в джинсы и куртку с американской надписью. Девушка недавно прошла стажировку в США, привезла оттуда эти шмотки. Увы, это всё не шло ей, она чувствовала, что что-то не так. Платье, юбочка – вот лучшая одежда девушки во все времена.

Мы возвращались к дому, когда вдруг повалил снег, сначала крупными редкими хлопьями, потом стеной из пляшущих шариков. Одуванчики выглядывали из снега своими глянцевыми щёчками, как моржи в проруби. Зелень превратилась в бело-зелёные пространства, из снега как на голландских пейзажах выглядывали старые деревья с сучьями,

не успевшими так сильно, как берёзы, зазеленеть. Снег шёл и шёл, я увидела на лугу возле озера, почти уже полностью занесённом снегом, штук пять журавлей. Они прилетели на родное озеро и радостно плясали под пеленой снега.

Вечером Сергей принёс с чердака неподъёмные портфели с образцами пород, со всякими агатами, сердоликами, срезами малахитов... Сергей стал интересно рассказывать о камнях. Стало грустно: Смеловские, высококвалифицированные специалисты, знатоки своего дела, разведчики недр земли, могли быть весьма востребованы со своими знаниями в новой России, да и в любой стране, а оказались за бортом кипящей жизни, лет на 20 раньше, чем нужно, ушли на обочину, в узкую индивидуальную семейную жизнь.

Лена села за пианино и сыграла довольно недурно Чайковского. Мне эта девушка представилась в длинном платье с открытыми плечиками, с перехваченной талией, с буколками над ушами, которые бы прелестно подчеркнули бы её греческий носик и античный овал лица. Не в то время она родилась, не в то...

Я в своём очерке называла всех совокупных людей, с которыми провела эти три дня, Смеловскими. На самом деле, когда я записывала имена своих персонажей, я удивилась, что у всех фамилии разные: и у хозяйки Татьяны, и у хозяина Сергея, и у Лены, и у Яши, и у Ярославы. Татьяна Марковна сначала стала диктовать мне всё это пёстрое разнообразие, но потом вдруг сказала: «Знаете что, напишите, что все мы

Смеловские. По фамилии Сергея Матвеевича»

Порхов

Мы за продуктами поехали в ближайший Порхов. День был праздничный, воскресный. Жизнь пустого с виду городка, состоящего преимущественно из русских народных деревянных коттеджей, вросших в землю, в три окна, концентрировалась на главной площади. Промтоварные магазины были закрыты, хотя было странно – народ съехался по случаю праздника за праздничной провизией. На рынке торговали толстыми, наверное, генетически изменёнными турецкими яблоками, китайскими грушами, греческими киви. Происхождение лесных коричневых орехов так и не удалось узнать, была надежда, что всё же местные. Все леса вокруг поросли орешником... А так – знакомая картина: баночки, сраночки, скляночки, пластиковые упаковочки, бутылки с напитками, крикливые слащавые картинки и названия, низкое качество густо приправленного химией продукта. Весь этот глобалистский фабричный ужас еды с ароматизаторами и красителями, абсолютно одинаковый во всём мире, во всех странах, городах и сёлах... Из местного было только мясо, сало и молочные продукты, кое-кто продавал мёд и яйца со своего хозяйства. Колбасу и мороженое, произведённые в местных цехах, посоветовали брать с осторожностью – часто бывает несвежее, просроченное. Радовала местная бул-

ка. Её единственную хотелось увезти с собой как сувенир об этом местечке. У булки была своя индивидуальность, свои пропорции, даже веселье какое-то русское было в местных калачах и рогаликах. Единственное, что в России осталось своего – это булки и хлеба, в каждом городке и селе со своим хлебозаводом – разные, часто очень вкусные. Хотя мука, из которой всё это делается, может тоже уже из глобалистских закромов...

По раздолбанной дороге мы мчались из Псковской губернии обратно в Питер, мимо деревенок, кажущихся мёртвыми и безлюдными, мимо поросших кустарником колхозных полей, мимо порубленных лесов с пролысинами, мимо бесконечных фур, куда-то из страны везущих наш лес, наши сосны и берёзы. Вдоль трассы летал полиэтилен, дымились чёрные язвы весеннего пала, белели ямы с мусором из разнообразных упаковок, который наша страна не готова перерабатывать. Ближе к городам куски земель, изгаженных какими-то лачугами, парниками и стоячими туалетами, перемежались с кусками земель, плотно застроенных коттеджами. Русские пейзажи вдалеке были прекрасны, кой-где, к великой радости, встречались гнёзда с аистами...

Хельсинки(февраль 2006)

Вставай, Финляндия!

Вечером, в 8 часов я вдруг встрепенулась перед присасывающим оком телевизора, сказала сыну-подростку, который протирает глаза от дневного сна после школы: «Вставай, едем в Финляндию». Мы встали и поехали, на первом попавшемся автобусе от площади Восстания. Благо на руках были первые в нашей жизни загранпаспорта с финскими визами.

На границе я почувствовала себя героиней фильма про Освенцим и войну. «Встать! Взять с собой паспорта и все свои вещи! Выйти из автобуса! Пройти на пост таможни!». Суровые женщины в серых формах, похожие на эсэсовок из кино, быстро потрошили цепкими глазами наши аусвайсы. Женщины были одинаковыми и на русской стороне, и на финской. Безупречные мужчины могли бы сыграть какого-нибудь штурман-фюрера. Но когда в глубокой ночи мы переехали-таки границу тела нашей дебелой и необъятной родины, вдруг в сонной душе проснулась какая-то песнь. Мы же едем в Финляндию, ледяную и тёплую Финляндию, чистую Финляндию, эту страну работающих аккуратных Хоббитов, в страну светлых рациональных хоботов и снежинок, как это хорошо, как это здорово! Мысль переходила в иррациональную песнь радости.

Проснулись в Хельсинки в 5 утра по нашему, в ихние 4 утра р.т.. Весь город в эту ночь с субботы на воскресенье гулял. На первых этажах чётких скандинавских параллелепипедов горел свет, по улицам всюду бродили молодые и средних лет финны: по одному, влюблёнными парочками, пара-

ми однополыми заигрывающими, горстками и компаниями. У остановок такси выстроились послушные длиннющие очереди. Это, наверное, были ребята, приехавшие из пригородов в столицу за развлечениями и общением, а теперь уезжавшие на хутора домой. Многие были по-детски пьяненькими, они уморительно спотыкались, делали неверные юмористические жесты. Один человек – единственный на весь город – упал на изумительно чистую панель, как сахаром присыпанную тающим снежком. Тут же вокруг него собралась толпа, в ту же секунду к нему подъехали копы на красивой, какой-то игрушечной полицейской машине с игрушечным ярким полицейским звуком.

У нас милицейские машины обычно помятые и с тусклым звуком. Милиционеры в машинах сидят приплюснутые, невидимые ясно издали. Наши милицейские машины как бы крадутся, чтобы выскочить из засады и засечь уже свершённый грех. Финские полицейские были как светлые ангелы, они издали дудели в свою иерихонскую трубу, чтобы грешники уже издали усмиряли свои дурные наклонности.

Наш автобус, на котором мы приехали, превратился в неудобное лежбище для спанья. Нам сказали: «Если вы сейчас выйдете, то уже не войдёте обратно до 10 утра. Мы закроемся и будем спать, никого не пустим». Мы пошли гулять.

Город был чистым и безопасным, немногочисленные негры и арабы выглядели игрушечными и кукольными.

Правда, толпы веселых людей быстро рассосались и исчезли, а недавно переполненные кафе и бары, и даже макдональдсы вдруг в миг оказались закрытыми. «Нет, это неправильно! Гулять так гулять! Это не по-русски! Даже у нас есть ночью куда пойти и где потусоваться до рассвета!» Хотелось в туалет, но всё было закрыто, и все газоны и дома были закрыты, лишь в одном темном месте у забора ужасно воняло хлоркой и мочой; мы поняли, что туда кто-то любит мочиться, а кто-то борется с этим.

Мы долго брели по пустым мокрым улицам, присыпанным чистыми хрусталиками снега, и выбрались в порт, к широконосим паромам и лайнерам. Они сказочно светились над раскрошенным льдом. Свежие человеческие следы одинокого человека вели вглубь. Мы смекнули, что там что-то есть такое, куда можно войти и погреться. Это оказался морской вокзал, абсолютно пустынный и сверкающий от чистоты. Дверцы как в сказке про «Аленький цветочек» сами собой открылись, разве что скатерти-самобранки и голоса невидимых слуг не было в пустом зале. Ни одного бомжа, прости господи, с вонючими ягодицами, как выразился поэт Родионов! Ну, прямо как при советской власти, почтим её память вставанием. Мы прилегли на деревянные скамьи и покемарили.

В 7 р.т. запахло кофе, пунктуальная финская буфетчица распахнула жалюзи и показала миру свой буфет, где самая жалкая плюшка, ну прямо мелкий плевок муки с сахаром на

противень, стоила целых 2 евро – то бишь больше полсотни наших родных рублей. Спасибо, не надо, у нас с собой была пара отличных бутербродов из Выборга, каждый в два раза дешевле и в три раза вкуснее. А кофе у финнов оказалось плохим, причём везде. Восточный напиток не прижился во всей роскоши на северной сдержанной земле. В отличие от Питера, где много есть мест, где можно отведать отлично сваренного кофе, ведь петербуржцы – это известные на севере «кофейники».

Солнце встало, бодрость проснулась в членах, за окном, куда ни кинь взор, всюду были фрагменты и цельные панорамы сдержанного скандинавского дизайна. Дизайном были морские разноцветные контейнеры, в совокупности являвшие собой чистую живопись из ржаво-зелёно-бордовых тонов. Живописью был паром с салатным брюхом. Живописными были канаты изумрудного и жёлтого цвета, за которые была прицеплена к берегу тёмно-зелёная баржа. Даже унылый павильон, прицепленный к старинному кирпичному сооружению, казался дизайном. Его ребристая, из какого-то металла поверхность, очень хорошо сочеталась с тёмно-коричневыми кустами под ним. Дальше начинался город из аккуратных домов, сделанных при помощи эстетики клетки и квадрата. Даже такая вещь, как квадрат, может быть обыгранна при помощи полутонов и чередования размеров как дизайн. В довершение по набережной проехался изысканный, ярко жёлтый, как цыплёнок, трактор, убиравший набереж-

ную от чистой слизи снега. Это был уже движущийся дизайн, внёсший в тонкую коричнево-серо-бежевую гамму города свой весёлый плевок.

Далее всё в Хельсинки оказалось дизайном. Я не переставала дивиться, как так изящно можно обыграть серые панельные дома. Небольшой продуманный штрих, тонко подобранный колёр цвета фонарных столбов, чуть иная, чем у нас, гамма дорожных знаков, продуманные, неслучайные витрины – и уже, куда не кинь взгляд – всё покрыто сверху могучим разумом человека-художника, любой фрагмент городской материи – это созвучие колоритов, разливающееся удовольствием по глазам, мозгам и даже телу, изболевшемуся от скуки петербургских спальных районов. «Нет! Такого не может быть! У них должны быть некрасивые спальные районы для бедных, как у нас!» – воскликнул мой сын-подросток. Мы долго бродили по Хельсинки в поисках районов, лишённых клетчатого скандинавского дизайна, и не нашли таковых.

Сто раз можно чему-то учить наших студентов художественных вузов, но главное- это эстетический вкус городских начальников, которые дают добро на ту или иную манипуляцию над городом. У финнов, похоже, это начальники со вкусом.

Я пыталась понять феномен пресловутой финской чистоты, о которой все говорят. Я поняла, в чём дело! Во-первых, панельные финские дома, которые, как и у нас, слеплены

по принципу детского конструктора, не имеют безобразных швов. Эти швы чем-то качественным аккуратно заглажены. Домик становится от этого гладким, имеет новорожденный девственный вид. Наши же дома, даже недавно построенные, имеют вид такой, будто они пережили бомбёжки, наводнения, голод и разруху, панельные дома в трещинах, с безобразными швами. Ещё секрет – это финские окна. Аккуратно выкрашенные рамы, промытые стёкла. У нас окна у людей часто донельзя загажены, у многих окна просто с трещинами и отколотыми кусками, за окнами выглядывают пожелтелые газеты, фанера, старые замученные жизнью занавески, которые хозяева не меняли из равнодушия к мелочам жизни лет 30-40. Может, за теми окнами и живёт какой-нибудь замечательный русский человек, обладающий талантами, мыслями, увлечениями, но если он скрывается за таким гадким окном и такой гадкой шторой, то это такая тоска волчья, такая тоска! И ещё к куче – финские лоджии. Они сплошь из стекла, и за их прозрачностью – полное отсутствие хлама. Наши лоджии – это кладовки для бытового хлама, покалеченных стульев, пустых банок. Финны, судя по лоджиям и балконам – сплошь эстеты. Пара стульев, пальма в кадке, столик, ничем не заваленный. В углу – малая скульптура, или несколько таковых. Особенно много среди них абстрактных, которые дают больше воли для фантазий и созерцаний.

Скульптуры повсюду – на перекрёстках, в скверах, во дворах. В одном дворе мы увидели на вершине срубленной бе-

рёзы деревянную скульптуру ястреба. На башне нашли граффити с розовым изображением символа Бурзума и подписью в виде молнии – знак Перуна. Язычество рулит.

Ещё, удивительным образом у финнов складываются отношения живой земли и городской панели. Я поняла, почему у нас такая грязь. Куда бы ни пошёл, всюду ноги в демисезон скользят по какой-то коричневой жиже. Неясно, откуда она берётся. Сейчас я поняла. У нас ужасны стыки газонов и асфальта. Земля вечно сквозь дырки вытекает на асфальт. Что-то чуть-чуть не додумано, не тот уровень взят поверхности, некуда талым водам всасываться, и вот течет грязь в дыры и зазоры между поребриками. Мелочи жизни, мелкие недодуманности, но от них ужасные такие вселенские бытовые последствия. Брюха у машин в коричневой корочке, как у свиной. Ботинки грязные. И уже теряется целостность чистого облика. Уже грязные подошвы требуют серой немаркой одежки. Уже от одежки такой – депресняк и неуверенность в своей красоте. Уже и внутри дома лень полы мыть. И на лестницу хочется плюнуть несколько раз. И хабарик не грех в жижицу-то навозную у краёв асфальта скинуть. И вот уж не город, а свинья в ухабах, в летающих мусорах, в навозцах, миргородских лужах, в которых от своей многолетности и неистребимости уже и тина завелась, и камыш вывелся. Ей-ей, у нас во дворах есть такие лужи с зелёным мхом в асфальте на проезжей части, которые обойти можно, только цепляясь зубами за кусты.

У финнов даже в сельской местности во дворах за заборами нет хлама! Изумительно! У них пустые сельские дворы, без старых тазов, позабытого бревна, кучки хвороста и бесколёсного велосипеда, а также старой бочки с дырой, которую можно ещё заделать! Зато у нас надежда на творческую переделку старых вещей есть, а у них нет.

Добро в виде пустых пластиковых бутылок, которые ковром покрывают в России леса, луга, болота и степи, финны у себя собирают. В 8 р.м. мы видели розового толстого чистенького финна, который шарил по помойкам и собирал в пакеты эти самые пластиковые бутылки.

Велосипеды на улицах Финляндии встречаются всюду – бесхозные, без замков. Надо – сел и поехал. Оставишь в конечной точке. А там его кто-нибудь другой возьмёт и поедет куда надо. Разумный круговорот велосипедов в природе. Говорят, что за небольшую оплату через банкоматы.

По поводу чистоты финского снега. Может, это машины меньше газов выделяют. Границу с Россией можно отличить по цвету снега. Резко после проволочного заборчика – снег чёрный. Ещё переёденную границу можно почувствовать по ощущениям задницы. Начинает на асфальте сильно подбрасывать. «Стало быть, родина», – говорят глаза и задница.

Австрия(апрель 2006)

Острые Альпы, нежный Дунай

В шпионском поезде

Пригласили меня в Вену представители литературного центра под названием «Старая кузница», где должна была пройти презентация моей книги стихов «Рай и ад», изданная в Вене билингва на русском и немецком. Но мой шестнадцатилетний сын Саша взмолился, чтобы я его взяла с собой. Я списалась с кураторами, и мне разрешили взять с собой сына. Чтобы вдвое сэкономить деньги, мы поехали на поезде, а не на самолёте. И это было правильно.

Сначала мы увидели, во что превратилась Россия. Как будто прошла война. Разрушенные заводы, из которых проросли плаксивые берёзки. Будто после бомбёжки коровники социализма. Дома погорелые, дома с выбитыми окнами, дома с проломленными кровлями. Поросшие кустом поля. Мусор, мусор всюду – в любой ямке и канаве. При такой разрухе и обезлюденности было непонятно, кто весь этот хлам производит. Леса были такими, будто там были бои. Деревья, обкусанные пополам, завалившиеся друг на друга. Кто-то вырубал деревья вдоль рельсов, и они так и гнили, никому не нужные загубленные растительные души. Попадались длинные старые линии электропередач, одни столбы покосились, другие завалились, провода провисли или порвались. Рядом была проложена новая линия с новыми столбами и проводами, но старую линию никто не убрал. Разруха и нищета, беспорядок и хаос... На заплюзганных русских стан-

циях слонялись алкаши обоих полов, бомжового вида люди с авоськами. Война, как будто была война...

Потом мы пересекли границу с Белоруссией. И попали в иную схему развития постсоветского пространства. Мы увидели ухоженные поля Белоруссии, чистые, ровно стоящие леса, аккуратные скромные домики. Когда я увидела первый за сутки поездки голубой трактор, который, пыхтя, пахал землю, я прослезилась. Потом мы увидели аккуратные нарезки полей и садов Польши, каких-то летающих длиннохвостых петухов – это были фазаны. Весь мир встречал весну сельскохозяйственным трудом, кроме убитой и преданной России.

Австрийский вагон оказался отвратительным, сделанным в годы «холодной войны». Вагон был узким, купе были тесными, трёхместными, люди должны были спать в узких щелях друг над другом, занимая даже и третью полку, которая в нормальных человеческих советских вагонах была багажной. Сидеть нужно было втроем на нижней койке и пялиться на стену, а не друг на друга. Да и койки были узкими, вместо столика было сооружение, похожее на писсуар. Может быть, это и был писсуар в старину советскую, когда русских туристов запирали в купе на границе, чтобы они не выскочили и не убежали на свободный запад. Всё было на кнопках и винтах, а ключ от винтов и кнопок был у проводника, наверное, чтобы через границу нельзя было провезти контрабанду или шпионские штучки резидентам передать. Пограничники че-

тырëх стран вспугивали нас по ночам, проверяя паспорта и штампуя странички. Особенно нас поразили холодные и безупречно красивые пограничники Белоруссии.

В соседнем купе ехали дикие монголы, не знавшие никаких языков, кроме родного, их вëз, как баранов, какой-то более продвинутый монгол на какие-то работы в Австрию. И чего там могли в Австрии делать эти очень дикие и замшелые люди? Монголы везли огромный чан для приготовления себе варварской еды, который еле влез им в купе. Из-за какого-то очередного идиотского карантина через границы было запрещено перевозить куру, а именно жареных кур монголы постоянно и ели. В Бресте наш поезд менял колëса, поезд поднимался на рычагах, из него вынимали родные колëса и вставляли колëса вражды, узкие, скудные, сделанные в условиях вечной скудности, жадности, расчëтливости, экономии всего хотя бы на сантиметр. Тьфу, противно это было после вольготных купе для развесистых русских задниц... Польский пограничник набросился на наших родных уже монголов, он их обнюхал наподобие овчарки и произнëс на русском: «Курррра! Курррра!», но монголы прикинулись чайниками, хитровански успев косточки куда-то глубоко спрятать. Пограничник обшмонал их довольно грубо, но ничего не мог с ними поделать. Рано утром мы прибыли в голубую туманную Вену, встречала нас моя переводчица Элизабет Намдер-Пушер со своими друзьями: инвалидом-поэтом Робертом и анархической подружкой Лизой.

У Элизабет

Элизабет великолепно знала русский язык благодаря тому, что работала с чеченскими беженцами переводчицей. В её большой квартире в центре Вены, обставленной деревянной мебелью в хипповском стиле, была неплохая русско-австрийская библиотека. Особенно меня поразили толстенные медицинские русско-австрийские словари. Анархистка, коммунистка и атеистка Элизабет, худенькая, крепкая, как крепкие корни южных деревьев, сероглазая и черноволосая, она первым делом задала мне вопрос, как я отношусь к чеченцам, не считаю ли их всех бандитами? Я сказала: «Нет, конечно, они разные бывают!». Хотя потом я стала сомневаться в своём абстрактном гуманизме. Мы вскоре увидели, что чеченцы проели все мозги доверчивым европейцам. Они нас русских оболгали перед всей Европой ради своих делишек. Они плели невероятную ложь про русские власти, про какое-то невероятное оружие, которое против них применяли, про то, что русские ловили чеченцев, сажали их в ямы и требовали выкупа у родных. Я даже расхохоталась, услышав такой перевёртыш. Я пыталась объяснить Элизабет, что русские могут убить, но держать в яме они не умеют. Зиндан – это восточная древняя чеченская развлекуха по добыче денег у русских, о ней ещё Лев Толстой писал. Ещё Лев Толстой описывал чеченцев как дикий народ, который работать не хочет и предпочитает разбой на дорогах, ловлю людей и вымогание выкупа за них. Они этим тысячи лет уже зани-

маются. Увы, бедная Элизабет обиделась на мой смех, она сказала, что нас русских наша власть зазобмировала, и что её чеченцы рассказывают о чудовищных пытках, которым их русские подвергали. Для того, чтобы понять ужас телесных повреждений, Элизабет и нужен был толстый медицинский словарь. Я сказала, что понятно, что чеченцам хочется пристроиться в жирную Европу на жирные пособия и в хорошие европейские квартиры с удобствами после их избышек из кизяка, и для этого они будут изо всех сил врать о своих болячках и страданиях, это у них чисто восточная хитрость такая. Любой прыщ или шрам будут объяснять пытками. Элизабет надула губки, и больше мы про чеченцев не разговаривали...

Меня Элизабет поселила в свою хипповскую эротичную комнату с двухъярусной кроватью, сын спал надо мной, но мой нижний этаж был весь в зеркалах и сбоку и сверху, наверное, для изысканной эротики. Ванная у Элизабет была тоже пикантной, дверцы не закрывались, одна из стен была из прозрачного кирпича... Европейская эротика... Ещё нас поразила лестница в доме – с питьевыми фонтанчиками на этажах, с лепниной и мозаичным панно в стиле модерн. Да, у них не было Шариковых и блокады, ЖЭКов и совка. Никто разруху не устраивал. Во дворе всё было в траве и цветах, цвели роскошные весенние деревья и плющи, свистели меланхоличные весенние птицы, над песочной дорожкой на верёвках сушилось бельё... В центре большого города...

Кузница поэзии

«Старая кузница» находилась в старинном средневековом квартале, в самом сердце Вены, в одной из кривых, мощённых булыжником улиц. Рядом с музеем, где можно посмотреть на грубые профессиональные приспособления кузнецов, был выстроен чистый белый куб, в нём с трёх сторон высятся друг над другом скамейки, в центре – небольшая площадка для выступающих литераторов. Выступления поэтов и писателей местного и международного разлива проходят практически каждый день. О мероприятиях существует информация в прессе, выступления литераторов оплачиваются за счёт грантов Евросоюза.

В первый же день мы отправились в «Старую кузницу», чтобы получить гонорар и познакомиться с начальством. В «Старой кузнице» в тот день зажигал Пригов. Ох уж эта тусовка, куда ни попадёшь, всюду знакомое лицо ты найдёшь. Многоликий Пригов представлял свою новую прозу. Проза у Пригова была очень скучная, если вещи назвать своими именами. Зал заметно ожил, когда Пригов стал отвечать на вопросы о жизни и смерти концептуализма, и прямо-таки закипел при заключительном аккорде, когда Дмитрий Александрович прочитал «Мой дядя самых честных правил» Александра Сергеевича в виде мантры с громкими завываниями.

Мне же сначала пришлось выступить в небольшом клубе «Виенцалле», почти как две капли воды похожем на наш «Борей». Андеграунды всех стран любят подвалы и цокольные помещения. Да и сама Вена чрезвычайно похожа на Пе-

тербург. Множество домов в стиле модерн с лепниной и маскаронами, много живописного сумрачного цвета стен, дворы колодцы с одинокой птичкой. Вот только без следов разрухи и без свинцовой пыли на стенах.

Перед тем как выступить в «Виенцалле», мы пошли с Элизабет и ещё целой компанией в Бургтеатр, на премьеру пьесы австрийской нобелевской лауреатки Эльфриды Елинек под названием «Ульрика и Мария Тереза». Одну из книг Елинек я читала на русском языке. Жёсткая проза. Театр меня порадовал публикой – такие же, как в России, интеллигенты, жаждущие испить культуры, милые девушки и юноши, мужчины и женщины, романтические пары и упорные театралы-одиночки... Действо не отпускаяло ни на минуту, вызывало волнение даже без знания немецкого языка. Публике на первых рядах выдали плащи из полиэтилена. Действо было такое: два мужика оделись женскими лонами, в вытянутые меха, и оттуда кричали феминистические тексты. Потом вышло много голых мужиков, на сраме у них были маски хрюшек. Потом вынесли картонные карикатуры на верховную власть Вены и Австрии – на премьер-министра, канцлера и мэра, у них были пририсованы большие члены. Потом мужики стали кидаться красками, поливаться водой, устроили ужасное свинство на сцене и ещё пускали струи в зрителей первых рядов. Почему-то и так всё было понятно без знания языка, о чём это. Очевидно, постановка была в духе школы Мейерхольда. Много пластики тел, жестов, музыки,

действия, эмоций. Я подумала – вот как надо читать стихи, чтобы люди, не зная языка, всё поняли.

И я так и сделала.

Небольшая аудитория в «Виенцалле» начала разогреваться и вспыхивать только от одной интонации и музыки стиха. Элизабет шепнула мне, что я превзошла все её ожидания, и стала мне подражать в манере исполнения. Мы получали по две порции аплодисментов и восторгов, первые от русского ритма и эмоций, вторые – от смысла стихов. Некоторые стихи вызывали бурное негодование. Один крепкий мужик вскочил, стал ругаться на немецком и стучать по столу кулаком. Другие стихи вызывали нарастающий восторг. Огромный человек по имени Мишель, байкерского вида, орал и стучал в ладоши над головой. Кончилось всё братанием. Из-за прилавка вышла женщина в белом переднике, типа женщина-буфетчица, она смахивала слезу, и бросилась меня целовать и обнимать. Я уже к этому привыкла, что мои стихи нравятся больше всего простому народу: охранникам, буфетчицам, пожарникам и официанткам, и тут было всё как в России.

Какой-то нервный человек с красивым голосом и размеренными глубокими интонациями – почему-то сразу было ясно, что он поэт, – подошёл ко мне и сказал, глядя в глаза, на немецком и английском языке: «Госпожа Дудина! Вы большой поэт! Хотя почему вы не знаете немецкого?!» Кто-то кому-то объяснял: «Ей не надо уметь говорить по-немецки,

достаточно того, что она умеет хорошо писать стихи!» Мне этот нервный поэт понравился, и мне было жаль, что я не знаю языка. Похожий на лысого пирата грозный Гюнтер Гейгер, благодаря которому стихи мои были изданы, гордо кричал: «Это я её нашёл! В Петербурге, на Пушкинской-10». Впрочем, вся эта очаровательная разношёрстная австрийская богема была охвачена каким-то жарким порывом и изумлением от того, что чьи-то стихи в наше время могут вызывать столько пронзительных эмоций. Особенно на «ура» пошли стихи о трупаре, олицетворяющем «разрывы линий» и гуляющем по Невскому, о бомжах, пьющих кровь из мента, о пламени эроса посреди революционных могил на Марсовом поле и про протруберанцы, которые на моей голове развешаются как гады.

В «Старой кузнице» мой вечер назывался «Путь на Восток». Кроме меня выступал Гюнтер Гейгер, он зачитывал главы из книги «Дельта Лены» о своём путешествии по Сибири, а также выступал со своей прозой австриец Александр Пир, чей дедушка был славянином. Из русских зрителей были Спирихин и джазовый музыкант Александр Фишер. Австрийская публика была разношёрстной, состояла из чинных дам в шляпках, девушек и юношей, любящих литературу, людей постарше, а также из виенцальской пёстрой богемы. Мои стихи по-немецки читали Элизабет Намдар-Пушер и Рената Зунига, представительница «Старой кузницы». Рената сказала, что ей очень нравятся мои стихи, и что она хо-

чет читать их вслух. Мы по пунктам обсудили каждое стихотворение, которое будет прочитано. Эта немецкая пунктуальность и щепетильное внимание к мелочам меня изумило.

Меня поразили строгие дамы в шляпках, сидевшие в первом ряду. Они привыкли к скучной поэзии и лица у них были ледяные. Но нам с Элизабет удалось их разжечь. Особо они разошлись при стихах о том, что любовь – это онанизм, и люди используют друг друга, мечтая о чём-то несостоявшемся. Дамы сначала чопорно смотрели на нас с Элизабет, а потом начали кивать головами и в конце уже почти вскрикивали: «Йя! Йя! Да! Это так!»

Перед моим выступлением на стену проецировался фильм Аси Немченок «Рваное небо», представлявший собой свободные видеоассоциации на тему моих стихов. Для тех, кто любит воспринимать через глаза более, чем через уши. Особенно всех привлёк кадр с голым мужчиной, снятым с тыла. Интересно, что Ася предвосхитила некое дуновение- вся Вена была наводнена плакатами с изображениями подобно снятого мужчины, правда он был не так красив, и его мучил некий крест на спине.

В конце вечера ко мне вышел огромный рыжий бородатый человек, очень похожий на Карабаса Барабаса, и дал мне от себя лично хорошенькую сумму денег.

По Вене

Потом мы шли по ночной Вене, Элизабет говорила мне: «Вот на этой улице мы два года выходили на демонстрации,

стояли с плакатами и транспарантами. Вот тут мы ночевали в палатках, среди борцов активисткой была Эльфрида Елинек. Вот здесь была жаркая борьба с властями и полицейскими...» Я изумлялась. Мирная благополучная Вена представляла как бесконечная арена борьбы народа с властями, общества с государством, народного рационального сознания о порядке и справедливости с жадностью и безответственностью правящей верхушки. Показательно то, что последняя в те времена часто проигрывала. Народ оказывался более сплочённым и более настырным. Самой главной победой Элизабет считает то, что австрийцы настояли на своём и не позволили построить на своей чудесной чистой земле атомную станцию.

Студент Макс, квартиросъёмщик Элизабет, отвёл нас на станцию метро Карлплац, которую захотел обязательно показать нам. Длинные скучные переходы были оживлены инсталляциями художника Кен Лума. На прозрачном пластике виднелись белые надписи. Под ними жили своей жизнью зелёные числа: одни поменьше, другие гигантских размеров. Их объединяло то, что последняя цифра, как правило, была живой, она или медленно сменялась другой или прыгала как зайчик. Одно число означало число лет, которое осталось до полного распада атомных отходов после аварии на Чернобыльской АЭС. Другое означало количество шницелей, съеденных австрийцами в этом году. Мы с сыном Сашей удовлетворённо погладили свои брюшки, в которых несколько штук

из этого числа попало. Кстати, австрийские шницели были отличными, повара не жмотничали и отваливали на тарелку приличный шмат мяса с картошкой. Непривычно было то, что всё это приправлялось уксусом. Ещё одно число показывало количество мусора, которое жители Вены выбросили на данную минуту. Было количество людей на земном шаре, ежесекундно меняющееся. И так далее. Самым длинным было число пи, состоящее из бесконечных циферек, на табло высвечивались последние данные по поводу точного количества этих циферек.

Сама Вена поразила ощущением безопасности. Казалось, что тут можно безнаказанно и в любом виде гулять и ночью, и вечером, никто не тронет и не ограбит. Порадовала прогулочная зона вдоль Дунайского канала. Всюду на скамеечках сидели венские жители, очень напомилавшие структуру типажей Питера. Люмпен-интеллигенты дионисийского типа с корявостями поведения и судьбы, с бутылками и хохотками; романтические девы и юноши; одинокие любители здорового бега; старички, дышащие на природе; молодые родители с колясочками. Много было стариков, бегающих с двумя лыжными палками, они были похожи на сошедших с ума лыжников, которые бегают без лыж, когда снег уже растаял. Оказалось, что это новая европейская оздоровительная мода – «нордик волк», «северная прогулка», поддерживающая мышцы подмышек и сердца.

Экзотикой были несуразные мусульмане. На скамьях среди оживавшей серой австрийской природы встречались чудовищные бабы, замотанные в ткани с ног до пят. Они сидели этакими скалами, а физиии их были похожи на дзоты с прорезами для пулемёта. Возле них прыгали детки, рядом порой сидел старик или муж восточного дикого вида с всклокоченной бородой. Эти люди были тут как перенесённые ковром самолётом из другой реальности, непонятно было, чего они тут делают, у них же там где-то осталось их родное приволье, иное солнце, иная пыль и дома, где они смотрелись бы адекватно и уместно. Чего они делают в изящной нервной утончённой Вене? Неужели будут слушать Моцарта и читать Гессе? Или это крутые специалисты в редких областях науки и техники? Что-то непохоже было. Эти люди были явно из деревенской глубинки Арабии. Их сюда еврокомиссары с протухшими от маразматического рационализма мозгами заселяли на расплод, для своих фашистско-коммунистических целей по смешению рас, а затем сокращению всех одним махом. Но прибывшие люди этого не понимали. Я размышляла о том, что у людей всё же есть выбор и судьба, и уж лучше чахлая Европа пусть вымирает в комфорте и эгоизме, чем вот так вот грубо её смешивать с дикими пришлецами. Брак старой маразматички и арабского жеребца карикатурен и аморален.

Встретились в Вене и настоящие бомжи, как и у нас возле вокзала, грязные, зашуганные, вонючие и хулиганистые,

правда, их происхождение было неясное, вроде как из Румынии.

Электростанция Худентвассера показалась последним ярким архитектурным событием прошедшего века. Столько раскованности, свободы, чистоты чувства и идеи. Без всякой скарденности, ужимок, оглядок на моду или вкус заказчика. Взял, и увидел вот так вот. И поползли по серому цементу кровавые артерии, и из балкончиков полезла зелень, и узор вскочил на унылую техническую поверхность... Хорошо...

На улицах метками были шпили готических соборов. При ближайшем знакомстве оказалось, что всё это новодел, всё было снесено под чистую во Второй мировой. Но жители восстановили то, к чему привыкли они сами и их предки. Правда, вера в Вене была совсем в загоне, соборы использовались как здания для муниципальных собраний, концертов, выставок. В одном из приделов одного из соборов проходила кощунственная выставка про дикарей с голыми сиськами и задницами, обмазанными глиной. Когда голое тело преобразовано и воссоздано искусством – это одно дело, а фотография – это всё же совсем другое. Со вкусом и стыдливостью тут вышел прокол. В соборах встречались памятные плиты, посвящённые воинам, погибшим в первую и во вторую мировую войну. На витражах некогда католических соборов нас поразили сцены с полосатыми заключёнными концлагерей, они декоративно страдали, и их кто-то освобождал. Картинки были смутные, и Элизабет как-то ничего толком нам не

рассказала про смысл этих изображений.

Поразил парк неподалёку. Там стояли две чудовищные циклопические башни без окон и дверей, говорят, их построил Гитлер для неведомых целей, может, для запуска летающих тарелок, и башни эти до сих пор внушают ужас и никак не используются. Недавно вокруг них разбили парк, насажали молоденькие деревца вдоль ровных дорожек, сходящихся звёздочками. Солнце пригревало, деревца выпустили зелёные листики, все скамейки, а их было в парке очень много, были усижены людьми, греющимися на весеннем солнышке. Венские жители в парке выглядели как слёт весенних птичек.

Музеумы, чахотка и венский лес

Мы отправились в знаменитое венское кафе Музеум, сделанное по проекту Адольфа Лооса. Кафе в стиле модерн, немного похожее на внутренность старинного элегантного вагона, переносило в мир европейской литературы начала 20 века. В голове возникали нервные барышни с трудной судьбой, богемные эмансипированные дамы, истонченные полуголодные творцы с разных нив искусства, загадочные одинокие завсегдатаи, прикрывающие боязнь быть и своё одиночество газеткой и чашкой кофе. В тот апрельский вечер мы застали компанию, ужасно напоминающую питерскую сценку в вечернем кафе. Человек семь- может, преподаватели вуза, может, люди ещё какого-то интеллектуального вида труда, – зашли распить бутылочку вина, побаловаться кофе и десер-

тами. Десертами и мороженым, кстати, нас, петербуржцев, не удивишь. Были и у нас свои сладости в жизни.

В компании выделялся старый бородатый интеллеktуал в шляпе, элегантный, рыжеватый, с газетой, сигаркой и хулиганским блеском в глазах. Типичный венский завсегдагай, словно бы сошедший со старых рисунков и шаржей, или из кинематографа, повествующего о богемных трудах и днях. Джентльмен явно рвался пообщаться с нами, но, увидев нашу апатию, показал нам фак.

Нам с Сашей очень понравилось гулять по ближней к Вене горе, откуда открывается вид на раздвоенный в черте города голубой Дунай. Поражала идеальная чистота пригородной зоны.

Ни одной бумажки, банки, склянки. Всё в первозданности, велосипедные дорожки идеально выметены, деревья, кустики и травы – всё как в день творенья. Даже и хабариков не видно под ногами. Никаких самозахватов, парничков и огородиков. У подножья горы за загородкой из проволоки – участок сторожа этой горы, на нём – ослик, виноградник, похожий на ряд вверх тормашками посаженных саженцев, аккуратный домик... Из-под земли лезли сиреневые первоцветы, горные ручьи в тот год не журчали – пересохли от неправильной зимы. На вершине горы была обзорная площадка и ресторан прямоугольных форм, в стиле высокого западного модернового дизайна, который нас так поражал в советских фильмах.

Стояли очень жаркие по нашим северным меркам апрельские дни, было плюс 23, и все цветочки и листочки пёрли из-под земли, из клумб и газонов, из голых веток и вздутых почек, а потом жаркие дни сменялись очень холодными ночами. Повсюду слышались чиханье, кашель и всхрюкивания носом. И ко мне тоже приклеилась местная фирменная простуда, какие-то микробы злые, выпестовавшиеся в щелях гор, особо разжиревшие от повышенной солнечной радиации. Я чувствовала, что у меня набегают температура, и злобный простудный вирус заедает меня до костей. В голове в венском вальсе кружилась часовня Собисского, откуда христиане собрались воедино и освободили Вену от турок, ей навстречу бежал дом имени Карла Маркса, растянувшийся на километр и раскрывший свои комфортабельные объятия венской голытьбе в 30-х годах, дом Маркса сменяла теплоэлектростанция, возведённая Хундертвассером, с золотым шариком на трубе и красными прожилками на корпусах, похожая на сумасшедшую саксонскую игрушку...

Утром мы отправились в музей Леопольда. Особое впечатление на меня произвёл Эгон Шиле. В своих картинах он предвосхитил весь трагизм только что зародившегося, но уже зачервивевшего невероятными страданиями 20 века. В его работах как какие-то гомеомерии, отзвуки, зародыши, проклёвывались стили и художественные системы Врубеля, Петрова-Водкина, Филонова... Узнаваемые, уже узнаваемые австрийские пейзажи – почему-то серо-охристые, тёплых от-

тенков, но со скрытой жуткой меланхолией, с каким-то спря-
танным надрывным плачем под всеми этими декоративны-
ми сиропно-розовыми и лимонными цветами, какая-то ще-
мящая душу экзистенция под наипрекраснейшими на земле
пейзажами. Узнаваемы были убогие лачуги с черепичными
крышами у взгорий, ныне превратившиеся в идеал и апофе-
оз жилищного счастья. Глубинно узнаваемы были мужчины
и женщины, ужасно обнажённые, худые, эротичные, безза-
щитные перед лицом эроса, социума, войн и болезней, бес-
конечно одинокие, истощённые до костей, но по жилам ко-
торых течёт тёплая, жаждущая любви, кровь... «Человек по-
хож на червяка, когда голый и бледный лежит под одеялом.
Но при этом в нём по кольцам бежит кровь. Он горяч и по-
крыт тёплым паром».

Этажом ниже висели работы Эггера Линца. В монументаль-
ных квадратах арийские орлы, простые австро-венгер-
ские парубки с лицами Штирлицов в исполнении красавца
Тихонова, в белых льняных рубахах и коричневых шерстя-
ных штанах, всё простое, исконное, от плодов земли, эти
парни на картинах Эггера Линца молотили жёлтую рожь, жа-
ли её серпами, в общем, делали великое дело крестьянского
извечного труда. Приятно было, что это делают не бабы, как
в нашем русском искусстве, а крепкие ладные хозяева сво-
его куска земли на Земле. В одной из последних его работ
этих парубков, сдержанно приплясывающих, вела куда-то за
собой Смерть. Эгон Шиле умер от испанки, гадких злобных

грипповых вирусов, было ему всего 28 лет. Шёл 1918 год. Эггер Линц, так гениально изобразивший чистую мужскую трудовую мощь, которую, как крыс при помощи дудочки вела за собой смерть-крысолов, умер в 1928 году. Австрия того времени была наполнена гениями, предчувствовавшими своим открытым космосу нутром всё, что будет. Я не говорю о чересчур растиражированном Климте как эталоне венскости, чьё творчество всё тоже сплошь состоит из цветов, красоты, плоти и орнаментов, вьющихся на костях смерти.

В нижних этажах проходила выставка рисунков Германа Гессе. Гессе всю жизнь любил рисовать, ползал по горам с мольбертиком и акварелькой. Если бы он не был великим писателем, то мог бы быть средним крепким художником, рисующим в стиле своей эпохи. Мне стало жаль, что я забросила рисование с натуры после детской художественной школы. Это огромное удовольствие – елозить кисточкой по бумаге, следуя природе и внутренней музыке души...

Я чихала от венской простуды так, что картины, казалось, вот-вот упадут. Сын Саша, благовоспитанный мальчик, шипел на меня: «Не чихай так громко! Картина упадёт с гвоздей, и нас арестуют!». Картины, кстати, были развешены так редко, с таким тактом и величайшим уважением, что каждый карандашный набросок казался весомой драгоценностью. Я приехала из России, из Питера, где всё чрезмерно, где таланта много, что навоза. Вспоминались сокровища Эрмитажа и Русского музея, способные свести с ума. Так густо налепле-

ны они на стены, так много всего прячется в запасниках.

Но вернёмся к моему чиху. Я зашла в старинную аптеку и знаками стала объяснять старичку-аптекарю, что у меня звериный насморк. Он со знанием дела протянул мне волшебный спрей из множества трав, очень дорогой для русского кармана, но я не пожадничала и купила, и это лекарство очень помогло. Потом я брала его в поездки по Европе, и если кто подцеплял весеннюю европейскую простуду, то я давала это лекарство в нос, и оно быстро помогало.

Пасха в Вене

Мы пошли посмотреть на пасхальную ярмарку на одну из центральных площадей. Всё было застроено торговыми отсеками, всюду шла торговля яйцами – натуральными куриными и ненатуральными. От яиц пестрело в глазах. Яйцами застило глаза. В отсеках с грудями яиц рылись девушки, выбирая подарки для близких. Что-то в этом было эротическое и нежное...

Всюду свисали всякие гнёздышки, птички, зайчики, мёды, ликёры, колбаски, прихватки, тужурки и фиг знает что. Вокруг рядов ездили золотые кареты, которые везли двойки и четвёрки белых холёных лошадей. Процветал дух народного рынка. Шёл какой-то концерт. Какие-то девушки в чёрном что-то пели, на них пялилась мадам мужик в оранжевых колготках, юбочке и с усами над покрашенным алым ртом.

Этот австрийский фрик взял на себя функцию быть рабом нечистого и фриковать вовсю бесплатно. Вот тоже солнышко пригрело, в яйцах засвербело...

Мы ужасно устали от толпы, толчеи и пестроты, но толпа нас уволокла в свой шопинг, в какие-то бесконечные магазинчики, окружавшие площадь и перетекавшие один из другого через крытые дворики. Всюду предлагали свои изделия международные очумелые ручки, всякие картинки, скульптурки, изделия всякие, призванные украсить вашу серую жизнь, ваш голый дом мишурой уюта. Зачем миру так много вещичек? Зачем мир так устроен, что, чтобы кушать, нужно вечно рукоблудствовать, делать товар, выманивать денежку из ближнего и дальнего? Почему нельзя жить без денег, в райской чистоте, не напрягая своё ремесло и не тербя язву деньгопохоти? Большинство этих штучек были из разряда нефункциональных пылесосбиралок.

Я купила дурацкого трудолюбивого зайца из глины, он был бодрый, откормленный и с восторженной морковкой в лапках. Элизабет мне сказала, что заяц – типа символ трудолюбивого, бодрого и эротичного народа Австрии, поэтому зайцев на Пасхе так много, почти как яиц.

Австрийская деревенька

Элизабет увезла нас с собой в гости к своему другу, венскому интеллектуалу, который взял в аренду сельский дом и живёт в деревне. «Мы хотим Австрийскую деревню!», – воскликнули мы с Сашей, утомлённые пробуждающейся к вес-

не Веной серых оттенков. К тому же в этом селе проходил сельский предпасхальный праздник-ярмарка.

Довольно быстро домчались на двухэтажной электричке до нужного места. В поезде потрясением был контролёр. Это был красивый мужчина средних лет, в очках, в идеальной форме, необычайно вежливый. Я подумала, что вот такая здесь культура! У нас такими безусловно вежливыми, знающими своё дело, довольными своей функцией бывают университетские профессора. Или высокооплачиваемые банковские работники. А у них – контролёры. Чем-то Кафкианским повеяло от этого представителя хорошо отлаженной системы. Предместья Вены поражали отсутствием свалок и ухоженностью построек. Практически не было замусоренных 4 соток со скособочившимися, некрашеными, недостроенными, но уже начавшими дряхлеть лачугами, чуть большими по размеру, нежели нужник или собачья будка, но не дотягивающими до настоящей избушки, как это у нас встречается. Изумляли ветряки возле домов для получения энергии от ветра. Вдоль железной дороги встречались одинаковые железнодорожные домики из серого камня. Это были абсолютно одинаковые домики, в которых явно кто-то работал или жил, были они такие бездушные и строгие, такие сюрреалистические, как какие-то ужасы от европейского рационализма, нашедшие выражение в абсурдизме Мржека, Беккета и того же Кафки. В каждой стране есть свои национальные формы крайней тоски жизни. У нас это дощатые

бараки сталинской эпохи. Тоскливее ничего не бывает. У австрийков – эти уныло правильные станционные домики...

В Питере был апрель с талым снегом. В австрийской деревушке жарило сладкое солнце, цвели лимонным и ярко розовым цветом дерева и кусты, зеленела трава. Мы прошли по подземному переходу, облицованному голубым кафелем, напомнившим советский кафель Хрущёвских времён. На старом кафеле красовались детские рисунки, нанесённые масляной краской. Недурно, но отзывает бедностью.

Деревня удивила безупречной гладкостью и чистотой асфальтовых дорожек, игрушечной красотой домиков и сельских двориков при них. «О, да это деревенька добрых трудолюбивых Хоббитов!», – воскликнул Саша. На чистейшем пороге домика, вход с улицы, стояли уютные тапочки. На ярко-зелёных, ровных, как ковёр, газонах не было ни одного сорняка. Улицы были переполнены прогуливающимися сельскими жителями в нарядных глобалистских, лишённых национальных признаков одеждах. Дамы в туфельках на каблучках, мужчины в светлых рубашках и при галстуках, преимущественно с красно-голубой полоской. И всюду стояли жирные чистые иномарки. То бишь, это была готовая рекламная картинка для нуворишей, решивших купить готовый для счастья домик в дорогом коттеджном посёлке посреди чистой, неизгаженной природы, с развитыми дорогами и инфраструктурой.

На старинную часть деревни с сохранившейся кладкой

некоей средневековой крепостной стены выехал мэр деревенского поселения на белоснежном коне. Одет он был в национальную одежду. Следом за ним выехали девушки в национальных одеждах на конях. Перерезали розовую ленту в воротах в стене. Это означало начало ярмарки и праздника!

Простые сельские люди возле каждого пятого домика, оказавшегося рестораном, рассаживались на простые деревянные длинные скамьи, вокруг длинных деревянных столов. Это был культ совместной трапезы! Я вдруг подумала, что именно на ней и держалась западная цивилизация. Кажется, что это ерунда, а на самом деле это великое изобретение человечества, очеловечивающий, склеивающий социум фактор.

Из своих бытовых щелей повылезали все: и стар, и млад, и инвалид, и невеста, и домашние питомцы, и угрюмые изгои. Никакой жуткой, лезущей в уши насильственно радостной музыки. Тишина. В одном месте орёт пила – проходит конкурс по выпиливанию электропилой из брёвен неких несурьных грибов. В другом, под шатром, поют старые седые рок-н-рольщики для своих сверстников. Все идут, бредут семьями, кланами, стайками, с киндерами всех возрастов, с собачками, со своими стариками, со своими инвалидами в колясках. В-общем, всё нажитое из живых существ – всё напоказ, на суд общины. Давно я такого не видела – чтобы буквально каждое живое существо покинуло свою нору и вышло на Свет Божий, в Социум, на суд человеческих глаз, под яр-

кие лучи весеннего солнца себя показать, каждую свою бытовую и замшелую морщинку показать миру, соседям, пришлым гостям вроде нас... Во время передвижения люди оседали периодически на скамьи у столов, пили местное вино из местного винограда, ели свои колбасы и свои сладости, сделанные местными сельскими кулинарками.

Мы присели на деревянную скамью и пропустили по стакану кисловатого, но ароматного местного вина. Я рассматривала людей. Меня привлекла семья из трёх человек. Красивая молодая женщина в соку с маленьким двухлетним сыном и её разжиревшая, но ещё привлекательная мать. Нестарая бабушка всё время типа шипела на дочь, с неполной семьёй как-то ехидно здоровались всякие тётушки и дядюшки, на молодую мать лукаво посматривали седые бюргеры. Было видно, что у малыша нет папы, и поэтому вокруг семейки был некий нездоровый ажиотаж. Потом мимо меня прошла одинокая девочка лет пятнадцати. Это была некрасивая девочка в джинсах, с чахлыми волосами, корявенькая, но страшно одухотворённая, ужасно живая и любопытствующая. Было видно, что это штучный товар, что это девочка-изгой в этой деревне, что она слишком умна и необычна, чтобы найти здесь себе друзей. Горб одиночества висел на ней. Но в ней ещё не было отчаяния, она смело вынесла свою юную некрасивость на народ, проталкиваясь сквозь стайки более обычных видов людей её возраста. О, таких тут было много, счастливая молодёжь, стайки юнцов и девиц,

девушки-красавицы, нашедшие свою любовь, юноши-друзья на мотоциклах. Они сидели компаниями то там, то тут, они ходили небольшими стайками или задиристыми парами, пара красивых девчонок с кокетливым видом, или пара парней, делающих глазки девчонкам... Всё это напоминало мне неразорённую деревенскую общину 70-х на юге России, в селе Кантемировка, где я бывала в детстве. Там не было такой чопорной чистоты и не было трапезы, вынесенной на дорогу. Но были стайки радостной молодёжи, были праздники, выводящие и молодых и стариков на улицу, на пригляд и взаимооценку судьбы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.